СБОРНИК РАССКАЗОВ №4

Морские досуги

4

Морские истории и байки

Коллектив авторов

Морские досуги №4

«Горизонт»
2019

Коллектив авторов

Морские досуги №4 / Коллектив авторов — «Горизонт», 2019 — (Морские истории и байки)

ISBN 978-5-6042237-4-1

Сборник «Морские досуги» № 4 – очередной сборник морских рассказов серии «Морские досуги». В книге рассказы, маленькие повести и очерки, объединенных темой о море и моряках гражданского и военно-морского флота. Авторы, не понаслышке знающие морскую службу, любящие флотскую жизнь, в юмористической (и не только!) форме рассказывают о виденном и пережитом. Книга рекомендуется для чтения во время «морского досуга» читателя. В книги представлены авторы: Алексей Макаров, Валерий Самойлов, Михаил Чурин, Сергей Опанасенко, Сергей Акиндинов, Иван Муравьёв, Вадим Кулинченко, Андрей Данилов, Андрей Осадчий, Сергей Балакин, Владимир Цмокун, Юрий Ткачев, Виктор Блытов, Валерий Граждан, Виктор Белько, Иван Муравьёв, Сергей Черных, Сергей Литовкин, Николай Станиславский, Николай Ткаченко, Николай Каланов.

ISBN 978-5-6042237-4-1

© Коллектив авторов, 2019
© Горизонт, 2019

Содержание

Михаил Чурин 6
Зима 6
Сбылось 9
Действие непреодолимой силы (форс-мажор) 12
Прощание старого парохода (на ремонт) 20
Сергей Литовкин 22
Гардемарины 22
Алексей Макаров 26
Нельсон 26
«Бородин» 44
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Коллектив авторов
Морские досуги № 4

© Каланов Н.А.
© На обложке фото Юрия Масляева

Михаил Чурин

Зима

Какая в этом году выдалась холодная зима! Столбик термометра уже неделю не поднимается выше минус двадцати восьми градусов. Но караван все же пробился в заветный порт, только два часа назад портовые буксиры в сплошной ледяной каше закончили расстановку прибывших судов. Подойти вплотную к стенке все же не удалось – сильный прессованный лед прилип к причалу. Суда, утомленные недельной ледовой проводкой, стояли безмолвно у причалов, на которых мела поземка, заметая их снегом. Сами суда напоминали больших снеговиков, вместо глаз которых просматривались иллюминаторы ходовых мостиков. Команды начали готовиться к грузовым работам, на крышках трюмов появились люди, сметающие снег. Быстро темнело, на палубах включили освещение. От этого казалось, что вновь усиливающийся ветер к утру заметет снегом весь порт.

Комиссия на приход отработала спокойно, безразлично проверив заполненные приходные документы – судно, наконец, получило «свободную практику», теперь можно общаться с берегом. Николай Николаевич, проводив комиссию до трапа, поднялся на мостик, необходимо было определить, к какому причалу поставили судно его товарища, с которым он в свое время вместе учился на одном курсе. Когда они встречались в последний раз, Николай уже точно не помнил, и вот надо же так было случиться, что им пришлось следовать вместе в одном караване. Сергей работал также капитаном, но в этот раз судьба закинула его, как отметил Николай, на судно весьма преклонного возраста. Современный радар на компасном мостике старого теплохода смотрелся даже противоестественно, как в этих случаях говорят: «как на корове седло». «Как он там на такой старушке, да еще в таких сложных ледовых условиях? На современном-то судне не пробиться», – беспокоился Николай за своего однокурсника. За неделю, проведенную в совместных усилиях по преодолению ледовых полей, они много общались по УКВ-радиостанции, смогли вспомнить и обговорить многое: совместную учебу, кто, где и как трудился, кто с кем общается, обсудить и личные вопросы. А вспомнить, как оказалось, можно было очень многое.

На мостике принтер начал отстукивать текст принятого сообщения. Послание было от судовладельца, в нём сообщалось о том, что по имеющимся сведениям предстоящий выход каравана из порта, всего скорей, будет последним этой зимой. По причине тяжелой ледовой обстановки следующий караван запланирован на выход из порта только с наступлением весенних оттепелей. Поэтому Николаю Николаевичу предписывалось быстро, пока ледокол выводит суда на рейд, произвести погрузку, оформить отход и выйти, «кровь из носа», в рейс в составе этого последнего каравана. Да, задача поставлена не из легких: в первую очередь, трудность выполнения заключалась в том, что ход и темп погрузки абсолютно не зависел от капитана. Скорее наоборот, капитан зависел от порта и их усилий. Николай Николаевич вызвал к себе старшего помощника и проинструктировал его с учетом последнего указания судовладельца: «Федор Иванович, готовьте судно к погрузке, нам надо успеть к выходу каравана. Ледокол поведет суда послезавтра. Следующий караван на выход будет весной».

Проинструктировав подчиненных, Николай Николаевич отправился в гости к своему однокашнику на судно. У трапа, как это положено, его встретил вахтенный матрос. Все мысли капитана были заняты осмыслением полученной команды: «выйти, «кровь из носа», в рейс в составе этого последнего каравана», но на каком-то подсознании капитан все же отметил, что в облике вахтенного матроса что-то смотрится противоестественно, что конкретно, он не понял, но что-то было не так. Его проводили в каюту капитана.

Войдя в кабинет, Николай Николаевич был неожиданно озадачен: первым впечатлением было чувство, что он переместился во времени – оказался в капитанской каюте, как ему показалось, прошлого столетия: низкий подволок (потолок), какие-то странные переборки, да еще и мебель вызывала удивление. Картина дополнялась тусклым светом, исходящим из подволочных светильников странной конструкции. Сергей вышел из-за стола и с распростертыми объятиями направился навстречу гостю. Хозяин каюты был в форме при полном параде, на форменном кителе отчетливо смотрелся нагрудный знак капитана дальнего плавания. В каюте было откровенно холодно, и на ногах хозяина Николай увидел совершенно не сочетающиеся с его внешним видом старые войлочные ботинки «прощай молодость». Первое, что он отметил, это то, что Сергей за эти годы сильно изменился, постарел. Они обнялись, хозяин каюты пригласил Николая присесть, предложил чаю: «Виски не предлагаю – сейчас не до этого». Но гость, сославшись на нехватку времени, от чая отказался. «Ну, как ты? Как настроение?» – начал разговор Николай. Сергей все же поставил горячий чайник, какие-то печенюшки и еще что-то перед ним.

– А что я – видишь, работаем. Вот только что получил команду судовладельца – необходимо выйти с этим караванов в рейс, иначе застрянем до весны. А ты как?

– Я тоже получил такую команду, надо обязательно выходить. Боцман отдраил лючки балластных танков – там уйма льда на переборках, даже приблизительно невозможно определить сколько. Балласт промерз на переходе. Уже откатываем, через час начинаем погрузку, а сколько балласта останется в танках в виде льда, неизвестно, – поделился своими тревогами Николай.

– А что грузить собираетесь? – задал вопрос хозяин каюты.

– Металл в рулонах. Единственное, что немного успокаивает, это то, что партия груза не на всю грузоподъемность, будет свобода маневра и запас осадки. А вы, под какой груз пришли? – задал в свою очередь вопрос Николай.

– У меня все гораздо сложнее. Грузить предстоит уголь и команда – грузить на полную грузоподъемность. А в балластных танках та же ситуация – много льда, – в свою очередь поделился своими проблемами Сергей, – посмотрим, что из этой затеи получится. А затем сразу же перешел на другую тему: «Слушай, Николай, а ты что, так и ходишь по порту в валенках?»

– Так и хожу, чего стесняться, мороз какой? А что ты спрашиваешь? – насторожился Николай.

– Ты у нас всегда раньше был пижон, а сейчас прямо по порту так и ходишь в обычных валенках. А если серьезно, то хочу поинтересоваться, а у тебя на «пароходе» есть еще валенки? Я сам-то вот одел, что подвернулось. Настройка, пока шли, вымерзла, в каюте всего плюс пятнадцать, вот и хожу в своих «чунях». В салоне команды температура еще ниже. Все, что можно включено, даже электрокамин в сауне. Вон дверь открыли в бане и греемся. Но это не самое плохое. Самое плохое, что у меня на борту нет валенок. Матросы стоят у трапа на морозе по четыре часа в ботинках. Тулупы есть, а элементарных валенок нет. Если у тебя есть валенки, дай взаймы на стоянку. Хотя бы две пары – в одних стоим на вахте, другие греем для вахты. Перед отходом вернем, – попросил однокашник. И только сейчас Николай Николаевич понял то, что ему показалось странным в облике вахтенного матроса у трапа: матрос стоял у трапа в меховом тулупе и в относительно легких для этого мороза ботинках.

– У меня на борту валенки есть, матросы обуты все. А вот про запасные надо уточнить у боцмана, сколько. Если есть, то боцмана и пришлю, – был ответ коллеги.

Через час матросы Сергея стояли на вахте в валенках. Жить стало веселее, а стоять вахту теплее.

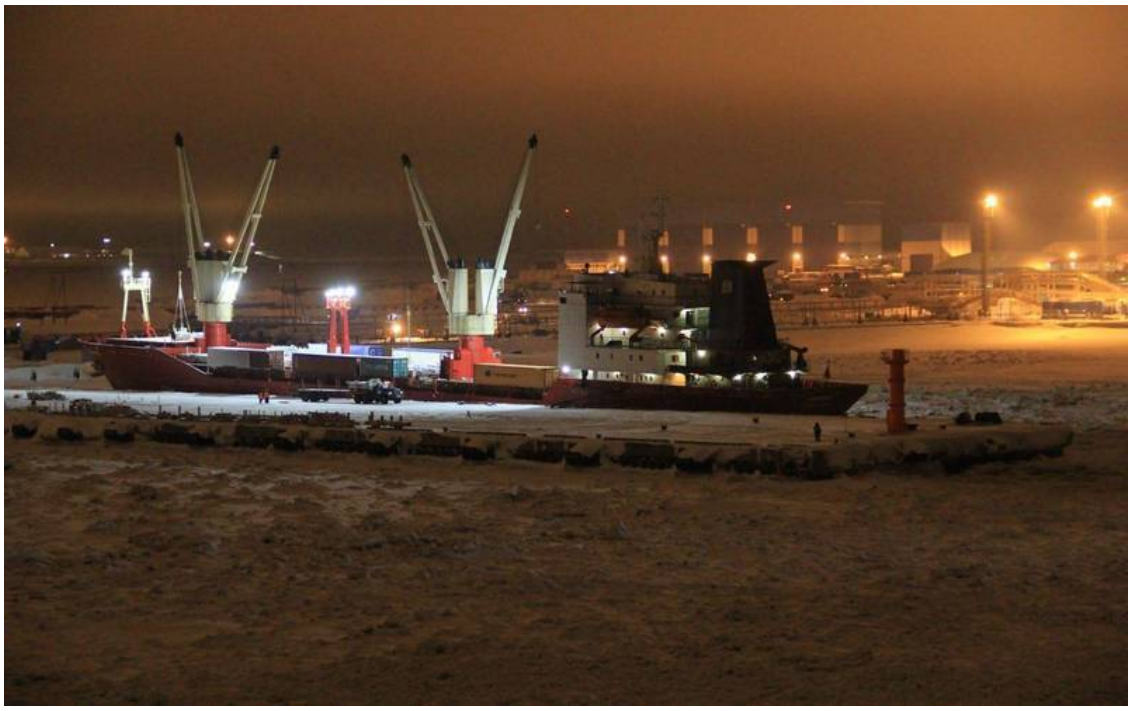
На третьи сутки к обеду портовые буксиры и ледокол закончили выводить суда. Караван был готов начать движение. Предпоследним в ордере стоял теплоход Николая Николаевича. Замыкающим был его старый товарищ по учебе Сергей. Валенки они вернули в самый послед-

ний момент, когда комиссия на отход уже подходила к трапу теплохода. Теперь старое судно Сергея не вписывалось в общую зимнюю картину. Большая надстройка последнего в ордере теплохода чернела на фоне белого ледового поля и таких же занесенных снегом коллег, стоящих в готовности начать движение за ледоколом. Угольная пыль покрывала и палубы последнего в караване судна.

Замываться они будут через девять суток, когда ледокол выведет караван на чистую воду, когда температура перевалит на плюсовые значения, когда можно будет вооружить пожарную магистраль для помывки судна.

Сбылось

Отец моряк, и дети на море глядят



Молодая женщина присела на табуретку рядом с детской кроваткой и долго с любовью смотрела на сына, безмятежно спящего в этот уже далеко не ранний час. Затем она посмотрела на часы, весящие на противоположной стене небольшой комнаты, покачала головой, улыбнулась, и все же, решив будить маленького мальчика, коснулась его плеча. Спящий ребенок заворочался на кровати, а от второго прикосновения открыл глаза. Петя еще не совсем проснулся и начал тереть глаза маленькими кулачками.

– Мама, а папа придет сегодня с корабля? Мы же собирались пойти гулять все вместе, – был первый вопрос сына.

– Нет, папа сегодня не придет. Он в море. А вот посмотреть, вернулся он или нет, это мы с тобой можем сделать, – спокойно ответила мама, стараясь не расстраивать сына.

Позавтракав и приведя себя в порядок, они вышли из дома и вдвоем направились к ближайшему скверу. На улице было жарко. Южное солнце поднялось уже высоко, и от этого воздух приобрел особую прозрачность, свойственную южным приморским городкам. Деревья стояли совершенно неподвижные, казалось, что по случаю выходного дня они тоже решили немного отдохнуть. По тротуарам важно вышагивали голуби, они совершенно не боялись прохожих. Тут же суетились местные воробьи, пытаясь во всем опередить своих ленивых крупных соседей – голубей. Пройдя тенистый сквер, мама с сыном направились к городской набережной. Народу на набережной, несмотря на выходной день, было мало – местные жители и приезжие, похоже, решили провести свободное время в общении с морем. Вдали просматривался ближайший городской пляж. Даже издалека было видно, что он переполнен.

На рейде одиноко стоял на якоре военный корабль. Мама зорким взглядом жены командира корабля определила, что тральщик.

– Мама, а это не папин корабль стоит на рейде? – с надеждой спросил Петя.

– Нет, сынок, это не папин корабль стоит. Папин сейчас далеко в море. Так что нам придется немного подождать, когда он вернется, – сказала мама.

Тут же на набережной рядом с ними остановился мужчина также с маленьким мальчиком, который, как и наши главные герои, обратил внимание на стоящий на рейде корабль.

– Папа, а что это за кораблик там, в море стоит? – спросил своего папу мальчик. Папа стал всматриваться в морскую даль, пытаясь рассмотреть стоящий на рейде корабль, для этого он даже снял свои очки. После изучения стоящего на рейде объекта, папа тоном заправского специалиста, обращаясь к сыну, произнес:

– Какой кораблик стоит в море? Володя, это стоит подводная лодка.

– Папа, как интересно, – была реакция маленького мальчика.

Мама не стала брать под сомнение сказанное взрослым мужчиной и подрывать папин авторитет, хотя была немало удивлена такими познаниями в области морского флота. Но все же решила поинтересоваться:

– Извините, а вы к нам из какого города приехали? Вы отдыхающие?

– Да, мы отдыхающие. А приехали издалека, из Сибири. Приехали к вам в санаторий для лечения. У Володи большие проблемы с позвоночником, – спокойно объяснил незнакомый папа. При этом маленький Вова как-то виновато, как показалось маме, посмотрел сначала на папу, а потом и на незнакомую тетю.

Пожелав здоровья новым знакомым, мама с сыном направились гулять в парк. Пете удалось покататься на маленьком паровозике, который тянул аккуратные вагончики с такими же маленькими девочками и мальчиками, как и сам Петя. Мама предложила посидеть, отдохнуть в летнем кафе. Там за маленьким столиком они немного перекусили, а в завершение поели мороженого. Выйдя из кафе, направились вновь на городскую набережную. Людей здесь стало значительно больше, нежели в первой половине дня. Оказавшись на набережной среди отдыхающих, мама с сыном отметили, что корабль, стоящий на рейде, исчез.

– Мама, а где кораблик? Куда он подевался? – спросил Петя.

– Наверное, пошел встречать другие корабли, – был ответ мамы, – может быть, папа скоро будет дома.

– Мама, как здорово, папа скоро будет с нами, – обрадовался маленький Петя.

На обратном пути Петя не мог успокоиться: «Значит, скоро папа вернется домой». Он не мог усидеть на месте – бегал и прыгал, даже задевал отдыхающих, прохаживающихся по дорожкам сквера. Чтобы успокоить сына, мама предложила присесть, отдохнуть на скамейке, что они и сделали. Но Пете не сиделось на месте. Он постоянно вскакивал и пускался бегать вокруг скамейки: «Папа скоро будет с нами». Мама решила все же успокоить сына, и когда Петя, уже сильно вспотевший, все же остановился перед ней, она только и успела сказать: «Петя, да успокойся же». Но Петя не унимался – обогнув скамейку, пустился на следующий круг. Мама в сердцах крикнула ему вслед: «Колин, да успокоишься ты, наконец. Колин, слышишь, что я тебе говорю?»

Мимо скамейки проходили два молодых морских офицера, видимо, из военного порта, где все друг друга знают. Они с интересом посмотрели на молодую женщину и бегающего вокруг неё мальчика. Один из них обратился к другому: «Смотри, какой малыш молодец. Такой же быстрый и настойчивый, как папа. Тоже, наверное, будет морским офицером». Далее молодые люди, улыбаясь, проследовали по своим делам.

Слова молодого офицера оказались пророческими. Через пятнадцать лет Петр поступил в высшее военно-морское училище, а еще через пять лет стал офицером.

Действие непреодолимой силы (форс-мажор)

1

Продолжить рейс уже не было никакой возможности, теплоход приступил к штормованию носом на волну. Капитан Александр Иванович Дроздов, давно уже не сходивший с мостика, установил ручки машинного телеграфа на малый ход. Качать стало значительно меньше, но огромные волны стали наезжать на носовую оконечность судна. При каждом ударе волны судно дрожало всем корпусом, как будто взывая о помощи. Волнение продолжало усиливаться, и теперь скорость судна начала падать до критических значений. Во избежание потери управляемости, Александр Иванович установил ручки телеграфа уже на средний ход, судно, как бы выйдя из сонного состояния, стало набирать ход. Но в этот момент огромная волна ударила в нос судна, да так, что водные потоки и массы брызг закрыли весь горизонт. Очистители стекол рубки не могли справиться с потоками воды, достигшими иллюминаторов ходовой рубки. Было впечатление, что очистители стекол просто окунули в воду. При этом судно неожиданно получило значительный крен на левый борт. Александру Ивановичу показалось, что это состояние длится целую вечность. Затем волна пронеслась по надстройке, заливая потоками воды все судовые конструкции. Теплоход, тем не менее, нехотя выпрямился и встал на ровный киль.

В этот момент Дроздову показалось, что видимость стала значительно лучше, хотя темные грозовые тучи продолжали нависать над судовыми мачтами. Волна прошла, и первое, что увидел капитан, был грузовой контейнер, ранее установленный на крышке второго трюма, а теперь сместившейся со своего штатного места. «Так и есть: палубный контейнер волной сорвала со своего места, дело приобретает серьезный оборот», – успел оценить ситуацию Александр Иванович. Капитан дал команду вахтенному третьему помощнику занести этот факт в черновой вахтенный журнал, а сам позвонил старшему помощнику, вызвав его на мостик.

2

В период между налетающими мощными потоками воды капитан со старшим помощником пытались определить положение поврежденного контейнера. Стало очевидным, что тот потерял крепление и еще больше сместился к кормовой части трюма. Вскоре после встречи с очередной сильной волной контейнер уперся в вентиляционную колонку, расположенную на главной палубе между крышками трюмов.

«Александр Иванович, необходимо людей посылать ко второму трюму попытаться произвести крепление. Волнение очень сильное, но это необходимо сделать. Я сам возглавлю аварийную партию», – высказал видение этой ситуации старший помощник. «Валерий Петрович, да, это необходимо сделать. Но мы можем просто потерять людей. Прежде всего, необходимо протянуть хотя бы аварийный леер. А как это сделать на таком волнении? Всех смоет за борт».

«А меня включите в аварийную партию, я попытаюсь провести до второго трюма конец», – обратился к капитану, стоящий на вахте третий помощник. «Иван, давай заканчивай фантазировать. Ты мне нужен здесь, на мостике», – был ответ капитана, а думы его были совершенно другие: «Вот молодо-зелено, туда же. Не успел еще опериться в своих непосредственных обязанностях, а уже лезет в герои». Третьего помощника посылать категорически было нельзя, совсем еще «зеленый». Крепление контейнера надо поручить опытным, зрелым и проверенным людям».

– Так, Валерий, пойдешь главным, переговори с боцманом и вторым механиком. Приказывать в этой ситуации не получится, нужны добровольцы».

3

Команда добровольцев была готова приступить к выполнению опасного задания. Выходить было решено через дверь на шлюпочной палубе, а затем по трапам спуститься на главную палубу и по подветренному борту попытаться пробраться ко второму трюму. В этом случае путь значительно удлинялся, но это было менее опасно, тем более что возможность попадания воды в надстройку практически исключалась. Капитан на мостике вновь убавил ход теплохода, заливаемость судовых поверхностей уменьшилась, но теплоход опять начало валить вправо и влево, он плохо слушался руля. Александр Иванович внимательно отслеживал перемещение аварийной команды. Вот первым перед надстройкой появился старший помощник, он в паре со вторым механиком пристегнул аварийный трос к грузовому рыму на лобовой части надстройки. Боцман, пожилой мужик, много проплававший на своем веку, у которого за плечами был огромный опыт работы, остался страховать командиров. Ему помогал матрос Иван Костров, упросивший старшего помощника участвовать в креплении палубного контейнера. Старпом со вторым механиком, очень аккуратно попеременно работая страховочным карабинами, постепенно пробрались к крышке второго грузового трюма. Несколько огромных волн полностью накрывали смельчаков, но они каждый раз успевали зацепиться за набор высоких комингсов грузовых трюмов. Аварийный трос-проводник, наконец был подан в район кормовой части второго грузового трюма и усилиями двух человек был закреплен. Самая опасная часть операции была выполнена. Вслед за командирами к трюму направился боцман, уже пристегнутый к проводнику. Петрович, как его просто называли матросы, на спине нес вещевой мешок с аварийным инструментом и крепежным материалом. Необходимо было закрепить контейнер,

исключив его дальнейшее смещение. Валерий Петрович, улучив момент между набегающими огромными волнами, прополз к контейнеру и нырнул в межкоменгсное пространство грузовых трюмов. Здесь можно было и передохнуть, но после каждой накрывающей волны ниша заполнялась водой, не успевающей уходить с палубы через огромные голубицы (вырезы в наборе комингсов трюмов для стока воды). Вслед за ним к аварийному контейнеру пробрались второй механик и боцман. Прицепившись к рыму вентиляционного грибка второго трюма, старший помощник осмотрел повреждение креплений контейнера. Так и есть, лопнул крепежный зажим, выскочший из специального палубного «башмака» – зацепа. Самым неприятным в этой ситуации было то, что контейнер навалился на вентиляционный грибок и при каждой набегающей волне давил на верхнюю часть конструкции. О возвращении контейнера на первоначальное место не было и разговоров. В судовых условиях, да при такой погоде, это было просто невыполнимой задачей. Обсудив ситуации, старший помощник с боцманом завели трос в нижний рым контейнера и протащили его к набору комингса. По очереди, работая с аварийным талрепом, набили трос. Проследив поведение контейнера при ударах волн, отметили, что контейнер больше не ползает по крышке грузового трюма. Затем для надежности завели второй конец-дублер. Да, контейнер больше не ерзал по крышке, давление на грибок вентиляции, похоже, стало значительно меньше.

Немного передохнув, аварийная команда двинулась в обратный путь. В этой ситуации самым главным было успокоить себя и ни в коем случае не торопиться. Вскоре все благополучно пробрались к надстройке теплохода, где их встретил матрос. Он сразу же начал рассказывать, как он волновался, как ему казалось, что время шло медленно, ну а теперь все будет хорошо. У старпома даже мелькнула мысль: зря взяли Василия, рано ему еще ходить в такие походы, больно уж впечатлительный. В подобных случаях требуется холодный рассудок и выдержка. Команда поднялась на шлюпочную палубу и взошла в надстройку теплохода. Капитан добавил оборотов, судно сразу же начало получать удары набегающих волн. Александру Ивановичу показалось, что за время работы аварийной команды на палубе волны стали еще больше. «Самое главное, чтоб контейнер не проломил вентиляцию» – было его главной мыслью в этот момент.

Вскоре раскрасневшийся от сильного ветра и продрогший старший помощник поднялся на мостик. Он доложил о проделанной работе и отметил, что его тревожит вентиляционный раструб, на котором фактически зацепился контейнер. Но при этом он высказал надежду, что при закрепленном контейнере, последующей подвижки все же не произойдет.

4

Да, Александр Иванович оказался прав: размеры набегающих волн продолжали увеличиваться. Отдельные из них достигали огромный высоты, и каждый раз при очередной встрече с такой волной бак судна просто нырял в морскую пучину. А затем, напрягаясь изо всех сил выныривал на поверхность. Судно дрожало всем корпусом крупной дрожью, машина упиралась, пытаясь обеспечить теплоходу хотя бы минимальный ход вперед. Казалось, что даже картушка гирокомпаса с каждой такой встречей начинала визжать по-особенному, словно взывая о помощи.

К ночи с наступлением темноты волны стали еще больше, машина с трудом справлялась с натиском стихии. На вахту заступил второй помощник капитана. Третий, сдав вахту, прошел в штурманскую, приступил к заполнению вахтенного журнала. Капитан, который, казалось, провел на мостике целую вечность, выбрав подходящий момент, решил пройти к себе в каюту. Спускаясь по высокому судовому трапу на жилую палубу надстройки, капитан зацепился за что-то мягкое. В полумраке он даже не сразу понял, кто улегся под трапом мостика. Это была

буфетчица Оксана – молодая, общительная, но, как многие считали в экипаже, весьма недалекая представительница судового камбуза.

– Оксана, ты? Что ты здесь улеглась? – капитан не пытался даже скрывать своего удивления.

– Александр Иванович, мне страшно. А вам? – безо всякий предисловий, выдала буфетчица.

– Оксана, о чем ты говоришь? Конечно, страшно, вот видишь в гальюн бегу. Давай вставай и иди к себе спать, – капитан шуткой решил успокоить молодую девушку.

– Александр Иванович, а мы не утонем? Так страшно, – опять начала про свое Оксана.

– Успокойся, все будет хорошо. Не бойся, это обычная штормовая погода. Иди к себе, тебе необходимо отдохнуть, – капитан отправил буфетчицу в каюту, а сам подумал: «Да, если бы обычная. Да, если бы не контейнер, тогда это была бы обычная ситуация. А так, очень тревожно». Документы на погрузку палубного груза агент принес в самый последний момент перед отходом, да и телеграмма от судовладельца о дополнительной загрузке пришла с большим опозданием. Так, что он мог бы и не брать эти четыре контейнера на крышки второго трюма. Наверное, и крепили их, не особо проверив исправность крепежного материала.

5

Отстояв на мостике со вторым помощником, Александр Иванович, проинструктировав старпома, все же спустился к себе в каюту. После четырехчасового отсутствия, каюту было не узнать. Не смотря на то, что все вещи были заранее закреплены, а некоторые из них просто уложены прямо на палубу каюты, все это повыскакивало из своих ниш, сдвинулось с места или расползлось по каюте. Кое-как наведя порядок, капитан хотел было все же отдохнуть, возможно, даже поспать, хотя бы час. Но через полчаса он был вынужден опять подняться на мостик – судно получило два мощных удара волн в надстройку, это говорило о том, что ситуация продолжала ухудшаться, шторм продолжал свой рост и напор.

Капитан со старпомом, периодически включая судовой прожектор, пытались отслеживать ситуацию на крышке второго трюма. Но постоянная кутерьма на открытой палубе из-за потоков воды, стены брызг, дождя и черной тьмы за бортом, не позволяла отследить положение контейнера, но, похоже, контейнер пока был на прежнем месте.

С рассветом ситуация стала проясняться. Да, контейнер за ночь устоял. Но волны, волны – они были огромны. Определить место астрономическими способами не представлялось возможным, судно окружала сплошная стена низких свинцовых туч, извергающих мощные дождевые потоки. А скоро необходимо будет посылать диспетчерскую судовладельцу.

Вдруг старший помощник как бы замер, вглядываясь в пространство перед судном. Александр Иванович инстинктивно также стал внимательно всматриваться в утренние сумерки впереди судна. Первой мыслью Александра Ивановича было то, что этого просто не может быть или, что он просто не совсем правильно оценивает размеры надвигающийся водной горы. Нет, он правильно её оценивает. Второй стремительной мыслью, пронзившей его сознание, была мысль о последствиях от встречи с такой волной. Да, это правда. Все же они есть эти волны, волны-убийцы. Вот сейчас она нас накроет. Старпом замер у пульта мостика, Александра Ивановича поймал на себе его взгляд – надежду на спасение.

Волна налетела на судно. В одно мгновение ничего не возможно было понять, судно получило ужасный крен на левый борт. Первое, что успел осмыслить Александр Иванович, было ощущение конца. Да, вот на этом и все. Все….

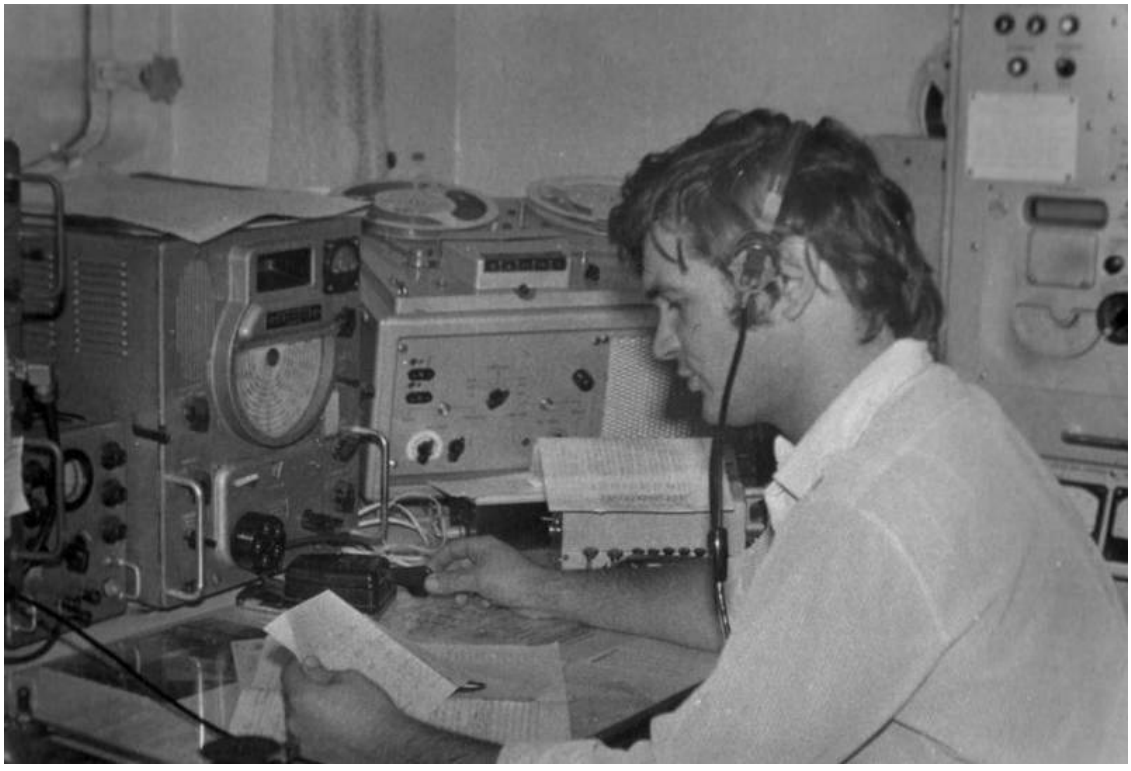
Капитану показалось, что он слышит какой-то грохот или треск. Волна пронеслась по судну. Огромные потоки воды неслись с накренившихся палуб теплохода. Судна осталось с огромным креном и только через какое-то время начало медленно выравниваться. Это время

показалось присутствующим на мостике вечностью. Судно все же тяжело выровнилось, но стать на ровный киль ему уже было не суждено. Крен составлял восемь градусов на левый борт. Волна прошла, капитан с тревогой оглядел сместившийся контейнер. Да, он сместился еще больше. А самое страшное было то, что он окончательно наехал на вентиляционный раструб и, похоже, его еще и повредил. Сам контейнер тоже получил повреждения – развернутый боком к волне, он просто был сдавлен налетевшей водной стеной. Но это в сложившейся ситуации было уже не самое главное. Страшнее было то, что, контейнер сорвал с места вентиляционный раструб-грибок – судно получило водотечность. При такой волне это было гарантией поступления воды во второй трюм.

6

Капитан вызвал начальника радиостанции: «Егор Владимирович, необходимо выяснить, какие суда находятся поблизости с нами. Дело серьезное, возможно придется просить помощь. В этих условиях нам крен не выправить. Я полагаю, что в третьем номере (трюме) произошло смещение груза. В других трюмах этого произойти просто не могло. А если смещение все же произошло, то такого крена не было бы. Трюма забиты под завязку, кроме третьего: там генеральный груз, вот он и мог сместиться. Сейчас главная задача – не позволить этому крену дальше увеличиваться, тем более что мы, хотим или не хотим, начали принимать воду во второй трюм. Вентиляционный канал нам просто не закрыть».

Вскоре в пароходство ушло срочное сообщение о сложившейся ситуации на борту теплохода. В ответ было получена команда постоянно держать в курсе руководство пароходства о развитии ситуации, было дано множество команд или просто советов о возможных вариантах заделки вентиляционного раструба. Но реальная обстановка не позволяла принять полученные указания к исполнению. Они носили поверхностный, а некоторые из них даже просто фантастический подход.



Вскоре в машинном отделении начали откатку поступающей воды из третьего трюма, но крен к восьми часам судового времени достиг десяти градусов, это говорило о том, что и в других трюмах груз начал все же смещаться, прессуясь на накрененном борту. Александр Иванович дал команду собрать экипаж в салоне команды, где старший помощник провел инструктаж по оставлению судна – надо было готовиться к самому худшему. Команде было приказано готовить индивидуальные спасательные средства, а еще через час, когда крен достиг уже двенадцать градусов, команда надела гидрокостюмы. Все понимали, что перспектив на благополучный исход ждать уже не приходится. «Какого черта я согласился принять эти несчастные контейнеры. Не будь их мы бы спокойно или почти спокойно продолжили бы рейс. А сейчас абсолютно не понятно, чем все это еще закончится, – про себя ругался Александр Иванович, – вот так, из-за этих контейнеров, потерять судно. А что будет с людьми, с экипажем?»

Начальник радиостанции со своим помощником-радистом постоянно поддерживали связь с пароходством и с судами, отозвавшимися на вызов аварийного теплохода. Этих теплоходов было три, ближайший из которых – на восемь часов судового времени – находился в шести часах хода по спокойной воде. Это был собрат по судоходной компании, крупный сухогруз, он уже по команде судовладельца изменил курс в сторону аварийного судна.

К десяти часам крен увеличился до пятнадцати градусов. По палубам теплохода стало просто невозможно перемещаться. Капитан собрал на мостике командиров: «Так, ребята, наше дело «труба». Вряд ли мы продержимся до подхода нашего коллеги. Так даю команду быть готовым в любой момент к оставлению судна. Шлюпки при этом крене мы спустить просто не сможем, поэтому необходимо рассчитывать только на спасательные плоты. Как там наши женщины? Еще ночью Оксана мне заявила, что ей очень страшно. Валерий Петрович, поручаю вам контролировать нашего повара Нину Степановну, а вам, Сергей, – он обратился ко второму помощнику, – взять на себя заботу о буфетчице. Она конечно, бестолковая, но, когда надо, боевая. А ты Владимир – он повернулся к третьему помощнику, – берешь на поруки нашего практиканта Вадика. Валерий Петрович, подготовь всю необходимую документацию для эвакуации на плоты. Всем быть готовым к оставлению судна. Ждите команды. Всего скорей придется её все же давать». Александр Иванович закончил инструктаж командиров. Все понимали, что, возможно, они все вот так вместе видятся в последний раз. «Зачем я взял эти контейнеры», – капитан отогнал в очередной раз никому не нужные рассуждения, – сейчас главное не пропустить тот момент, когда надо будет давать команду на оставление судна, чтоб было еще не рано, но и уже не поздно». Старший помощник не стал рассказывать капитану, что обе женщины уже к моменту импровизированного инструктажа на мостике находились в ужасном положении: буфетчица была практически в полуобморочном состоянии, а повару приходилось уже два раза просто приводить её в чувства подручными средствами, включая нашатырный спирт и прочее. Наступал момент истины.

8

Лучше всех в этой ситуации чувствовал себя практикант Вадик, учащийся третьего курса мореходки, он пытался даже шутить над поникшими членами рядового состава. Валерий Петрович, обходя коридоры надстройки и пытаясь подбадривать экипаж в этой, казалось, уже безнадежной ситуации, отметил оптимизм молодого матроса-практиканта: «Вот, дурачок, он воспринимает нашу ситуацию, как какое-то интересное приключение. До него пока еще не дошло, какие последствия надо ждать в ближайшее время».

А волны продолжали свое губительное действо. Погода по-прежнему не собиралась отдавать свои позиции. Волны раскачивали теплоход на громадных водяных качелях. Казалось, свист ветра уже невозможно перекричать. Вокруг судна, крен которого продолжал увеличиваться, происходило что-то невероятное: волны то поднимались до огромной высоты, то стре-

мительно проваливались в бездну, бурлящую и кипящую от этого водоворота. И вот в ближайшее время людям предстояло выйти в последний поединок с этой водной стихией, один на один, каждый. Хотя нет, не каждому одному, а маленьким коллективом в зависимости от того, кому придется спасаться на каждом конкретном спасательном плоту.

Александр Иванович в очередной раз вышел на крыло мостика, точнее не вышел, а протащился до леерных ограждений, хватаясь за ограждение и конструкции. Он вздохнул морской холодный воздух, еще раз огляделся по сторонам. Вокруг кипело и свистело, ухало и бурлило море Он тем же путем, хватаясь и цепляясь за леера и входную дверь, прополз на мостик и переместился к главной рубочной стойке, ухватившись одной рукой за её леера, он опять посмотрел на судовой кренометр – крен достиг двадцати шести градусов. Судно при каждом колебании надолго задерживалось в крайнем положении, период качки определить было просто уже невозможно. Александр Иванович всем своим нутром ясно почувствовал, что именно сейчас и надо давать команду: «промедление смерти подобно». Он обратился к вахтенному второму помощнику и матросу Сергею:

– Так ребята, быстро на шлюпочную палубу, помните, какой ваш спасательный плот? Помните, молодцы.

– А, вы? – в один голос закричали помощник и матрос.

– Вы слышите, что я вам сказал, быстро на шлюпочную палубу к своему плоту.

Затем он вызвал машинное отделение:

– Петрович, ты уже один в машине? Да? Пора. Давай на шлюпочную палубу.

Держась одной рукой за леерное ограждение рубочной тумбы, Александр Иванович другой рукой начал давить кнопку внутренней судовой сигнализации. Он давил эту кнопку до тех пор, пока команда, уже давно готовая к активным действиям и находящаяся в надстройке, не услышала сигнал, состоящий из семи коротких и одного продолжительного сигнала. Затем они услышали голос капитана по судовой громкоговорящей трансляции:

– Объявляется боевая шлюпочная тревога. Команде оставить судно.

Он машинально отметил и удивился тому, что на судне до сих пор работает даже внутрисудовая связь, которая и в обычных условиях в последнее время требовала постоянного контроля начальника радиостанции.

Команда, поддерживая и помогая друг другу, начала быстро продвигаться на шлюпочную палубу, обдуваемую мощными порывами ветра. Капитан в это время давил уже совершенно

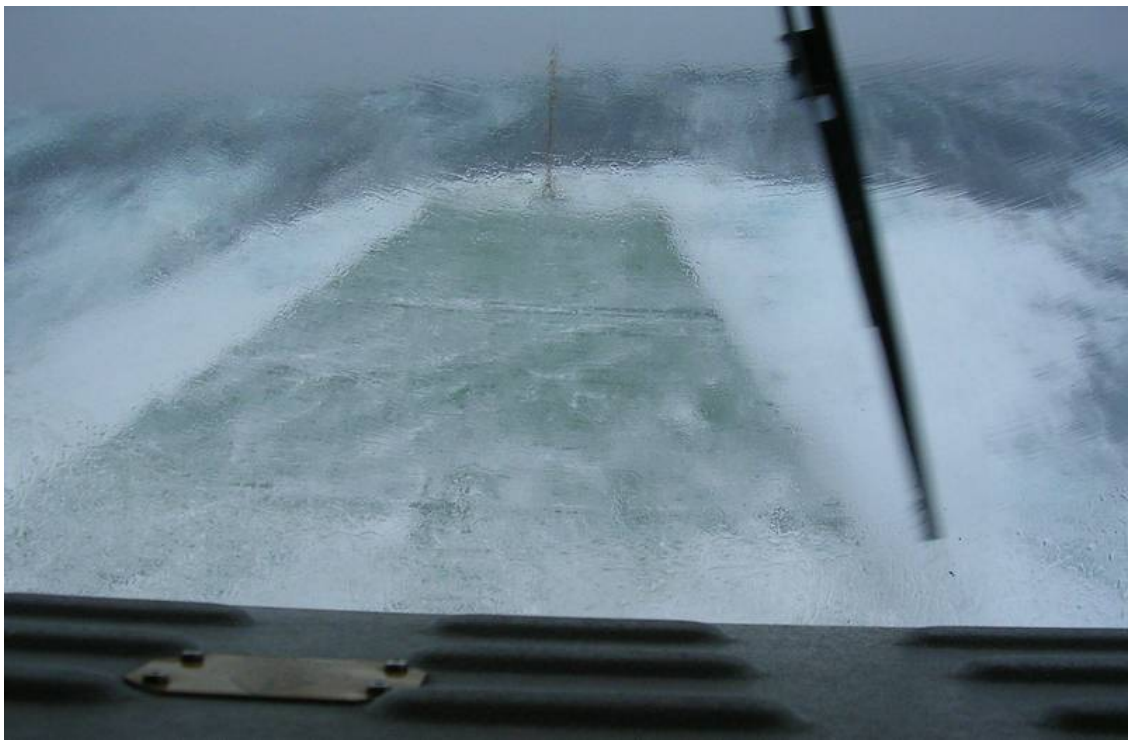
другую кнопку, – кнопку подачи в эфир сигнала бедствия с заложенными заранее координатами места трагедии, этот сигнал должны были принять десятки судов.

9

Александр Иванович опять пробрался на крыло мостика. Обдуваемый крепким соленым ветром, он отчетливо видел сквозь стену брызг и дождя, как началась эвакуация команды на спасательные плоты, он видел, как сажали на плот растрепанную буфетчицу Оксану: «Вот уж эти женщины, все они чувствуют наперед», как, похоже, в последний момент до практиканта все же дошло, в какой опасной ситуации находится экипаж, как он, с вытаращинными глазами, пытался судорожно ухватиться за спасательный конец. Он выдел, как плоты сразу же стало волной разбрасывать в разные стороны, быстро унося их от борта судна, уже ушедшего под воду. Ему махали руками, он видел, как старший помощник тянул время и пытался удержать последний плот у борта.

10

Капитан Дроздов все просчитал заранее и даже то, что в этой сложившейся ситуации он уже не будет спешить. Волны все наседали, и судно, как раненый зверь, уставший бороться со своими преследователями, окончательно потеряло остойчивость и все стремительнее начало заваливаться на левый борт. Капитан успел вскарабкаться по уходящей из-под ног палубе в ходовую рубку теплохода и плотно закрыть за собой дверь. «Вот и все. Люди на плотах, и есть надежда на их спасение», – было последней мыслью капитана.



Прощание старого парохода (на ремонт)

Большое видится издалека.
В итоге время все решает.
За бортом океан, а пока
штурман курсы и мили считает.

Отпустите, отпустите друзья.
С пониманием разлуки считайтесь.
Надо ехать домой, дорогие моря
Вы поймите меня, постарайтесь.

Я отдал вам свой срок,
избегая циклоны и мели.
Не пора ли встать в док
и швартовки, ах как надоели.

Острова и заливы, ледяные поля,
с экипажем уже попрощался.
Не зовите вы больше меня,
я и так очень долго скитался.

Ухожу я земные проблемы решать.
На море с берега смотреть не запретишь
и буду постоянно вспоминать
валы большие или гладь и тишь.

Я, конечно, вернусь, дорогие моря,
оторваться от вас не сумею.
Я моряк, это доля моя
и единственное, что я умею.

Большое видится издалека,
Время счет ведут машины обороты.
За бортом океан, а пока
У механиков – ремонтные работы.

Чурин Михаил Юрьевич

В 1979 году закончил судоводительский факультет ГИИВТа (ныне Волжский государственный университет водного транспорта) по специальность «морское судовождение». После службы в армии пришел в Беломорско-Онежское пароходство. Преподавал на кафедре судовождения и безопасности судоходства ГИИВТа. В 1991 году пришел в Волжское пароходство на суда загранплавания, а еще через год получил диплом капитана дальнего плавания. Через десять лет перешел в частную компанию, где трудился семь лет капитаном на одном и том же судне под флагом Мальты. В настоящее время работает в Нижнем Новгороде деканом факультета судовождения, защитил кандидатскую работу, получил ученое звание доцента.

https://www.litres.ru/mihail-churin/

Сергей Литовкин

Гардемарины

Командир сильно раздосадован. Об этом свидетельствует покрасневшее лицо, с которым он предстал перед курсантским строем. Сколько лет уж миновало, но совершенно явственно ощущаю свою принадлежность к сообществу из сотни молодых балбесов, вытянувшемуся двумя шеренгами в длинном коридоре второго этажа учебного корпуса училища.

– Хуже всех! – начал он свою речь, передвигаясь от человека к человеку, строго оценивая взглядом каждого, – хуже всех в роте!

Поскольку звание «хуже всех в роте» было переходящим и за многими водились грешки различной степени тяжести, можно было ожидать, что выбор падет на любого.

– Хуже всех, …хуже всех в роте, – нараспев повторил капитан-лейтенант, демонстрируя в голосе уже не возмущение, а глубокую скорбь и обиду на одного из своих подопечных.

– Опять нам принес оплеуху курсант Ионов. Опять нам всем краснеть за него…, – ротный горько вздохнул и разрядился фразой, ставшей впоследствии классикой курсантского фольклорного сленга: «Тебе, Вова, не водку пить, а г…о через тряпочку сосать».

Потом, разумеется, «Равняйсь!», «Смирно!», «Курсант Ионов выйти из строя!»….

Не припомню, сколько нарядов он тогда огреб, но морально был казнен без права на помилование.

Указанной экзекуции предшествовали некоторые события в Нижнем парке Петродворца, но об этом чуть позже.

Сначала об Ионове.

Роста он был среднего, худощавый, темноволосый с очень выразительными глазами, казалось отражающими чувства человека, оставленного на необитаемом острове.

Вова охотно воспринимал в курсантской компании все напитки и не отказывался поддержать своим участием любое мероприятие, от простого распития четвертинки в тамбуре элек-

трички, до посещения ресторана за червонец на троих. Основная проблема состояла в дозе. Вова сильно изменялся в процессе выпивки. Сначала он, обычно немногословный, начинал участвовать в разговоре, делая неожиданные и остроумные замечания. На этой фазе с ним было приятно и весело общаться. Потом в его взгляде появлялась некоторая скука, он зевал и неожиданно ложился. Он спал, но сон был слишком глубоким и каким-то аномальным. Пульс слабо прощупывался. Одним словом, – вырубался. Пробуждение наступало только после холодного душа и освобождения желудка.

В результате нескольких смелых экспериментов было установлено, что критическая масса водки для Ионова составляет около 230 граммов. Принятое решение гласило: «Вове стакан без пояска!». Вова не возражал, но никак сам не контролировал дозу, отягощая товарищей этими обязанностями. Он даже себе не наливал и мог сидеть в копании трезвым до тех пор, пока о нем не вспомнят. Так что, если с ним приключалась неприятность, то возникал вопрос: «Какая сволочь Вову напоила?». Одно время его даже опасались брать в компанию, но после того, как Вова на летней стажировке обеспечил дополнительным питанием почти половину взвода, это казалось аморальным.

Дело в том, что одновременно с нами практику в приморском городке проходили выпускницы поварского училища. Мы набирались бесценного опыта на береговом радиокомплексе, а девушки работали в кафешке и нескольких ларьках на набережной. Вечно голодные и безденежные курсанты, разумеется, начали проявлять внимание к феям с пирожками, но удача светила только к Вове. Именно тому, у кого и аппетит – так себе. То ли изможденным видом, то ли потерянным взглядом привлек он внимание пышнотелой начинающей поварихи, но бесплатная кормежка ему и его друзьям была обеспечена на целых три недели. Очередь сопровождать Вову в увольнения расписывалась заранее. Разумеется, кое что из изделий студенток кулинарного техникума было недо- или пере-, но суровая рука голода на то время ослабила свою хватку.

* * *

В тот знаменательный день мне, Андрюхе и Юрке досталось патрулировать в Нижнем парке. И только мы спрятали повязки со штыками, присев отдохнуть в сорокадверке, как появились ребята в защитного цвета форме с повязками – кировцы, соседи по Петергофу. Это был патруль из конкурентно-дружественного общевойскового училища.

– Мужики, – сказал сержант-третьекурсник, – заберите вашего моряка от фонтана. Его на парапет положили, но может свалиться.

Мы пошли в указанном направлении и в фонтане «Солнце» увидели Ионова. Это была иллюстрация к поговорке: «моряк воды не боится». Он плавал и спал. Голова была на берегу, а остальное тело по закону Архимеда вытесняло воду из бассейна под веселыми фонтанными струями.

Мы достали Вову и положили на скамейку, частично отжав брюки и галанку. Дело принимало опасный оборот. Во-первых, Вова мог простудиться и прихватить пневмонию. Было прохладно. Во-вторых, наш взвод уже перевыполнил план по пьянкам раза в два. Ротного вчера таскали в политотдел и распекали с пристрастием. Он потом, как говорят, сидел в старшинской, хватался за сердце и все повторял: «Вот ведь, бёнать…». Мы его могли потерять. А этого не хотелось, так как из известных нам командиров в училище, – наш казался наименее вредным.

Вова, при скромном росте и худобе, был довольно тяжелым. Меняясь по очереди, мы с двух сторон прихватили его под руки и потащили в направлении училища. Он частично пробудился и вяло переставлял нижние конечности, что несколько облегчало задачу. Несколько раз Вова пытался поджать под себя ноги, но, получая заслуженный пинок, снова имитировал походку. Иногда он по-заячьи верещал. Обсуждая по пути насущный вопрос: «Какая сволочь Вову напоила?», вспомнили, что он сегодня увольнялся на час раньше с группой «театралов».

Чтобы выйти в город вперед всех, надо было иметь билет в театр или на концерт. Поэтому на таком построении в 17 часов требовалось предъявить не только короткую стрижку, внешний вид и однотонные носки уставного цвета, но и такой билет на нужную дату. Опытные «театралы» имели штампики и использовали каждый билетик до шести раз, последовательно нанося и выводя оттиски даты хлоркой. Строй любителей культурного времяпрепровождения распространял специфический запах. Самых наглых поклонников сцены с проеденными насквозь вонючими и пожелтевшими бумажками командир молча выгонял из строя. Остальные получали напутствие типа: «Ну, смотрите там. Чтоб без всяких деконорэ-дебальзаков». Что имел наш каплей против французского классика, оставалось тайной, но была понятна его непримиримость ко всяческим безобразиям.

Обменявшись мнениями, мы вспомнили, что у Вовы билет был настоящий и, вроде как, он собирался на концерт Жана Татляна с какой-то девицей. То, что не наши его напоили принесло некоторое облегчение. Собственно, как было дело, мы так и не узнали. Ионов молчал впоследствии, ссылаясь на провал в памяти, и соучастницу так и не выдал.

В таком составе и состоянии через КПП нам было не пройти. Мы доволокли Вову до БПК (банно-прачечный комбинат училища) и успешно перекинули его через забор. Потом нам пришлось темными тропинками доставить тело до роты и, минуя все посты, дотащить до койки, раздеть и уложить. Закончив эту операцию, вернулись в Нижний парк и уже оттуда –

назад в училище через главный парадный подъезд с докладом об успешном завершении патрулирования.

И, все бы прошло без последствий, не случись посетить дежурному по училищу нашу роту в тот момент, когда Вова, не приходя в себя, вышел к нему навстречу из кубрика. Не лежалось ему под одеялом. Выглядел он, разумеется, после фонтана и доставки с полетом и волочением – не очень. Кроме того, мы сняли с него мокрую одежду. А мокрое было все. Поэтому голый, бледно-синеватый юноша с закрытыми глазами, двигавшийся навстречу капразу по синусоидной траектории, здорово его удивил. Вызванная дежурная медсестра диагностировала алкогольную интоксикацию и что-то по латыни, после чего Вову отнесли в лазарет. Утром он уже был в роте. Похоже, что ему прочистили не только желудок, но и мозги. Говорил задумчиво и не помнил прошлого. Мы решили ничего ему не рассказывать, но Андрюха не удержался и многозначительно предупредил Вову, что бабы его до добра не доведут. Так, впрочем, потом и оказалось…

После получения звания «хуже всех в роте» Вова больше существенных залетов не имел, получил лейтенантские погоны и отправился отдавать службе остатки молодости и лучшие годы жизни.

Обменялись с ним визитками. Я позвоню, пообещал Вова. Помнит, однако.

Пока не звонил.

Литовкин Сергей Георгиевич

Родился в середине прошлого века в Калининграде (бывшая Восточная Пруссия) в семье советского офицера. После окончания питерской средней школы начал казенную службу, поступив в военно-морское училище в Петродворце. Служил на кораблях ВМФ в Средиземном море и Атлантике и в испытательных подразделениях на всей территории СССР и за его пределами. Завершил военную карьеру в Генштабе ВС России капитаном первого ранга.

https://www.litres.ru/sergey-litovkin/

Алексей Макаров

Нельсон
Жизнь судового механика

Да, этот рейс для меня был одним из самых тяжелых, которые, наверное, были в моей жизни. Я чувствовал себя полностью вымотанным. Иногда было такое ощущение, что я был, как отжатая тряпка. Меня оставалось только повесить на ветру, и я бы болтался на этом ветру без сопротивления и сушился.

Вот и сейчас «Кристина О» ошвартовалась в порту Ватерфорд. От устья речки до самого порта надо было идти еще полтора часа вверх по течению. Иной раз я выходил из машинного отделения, и вместе с Кразимиром, нашим поваром, смотрел на берега реки, перекидываясь незначительными фразами, о том, как изменился облик окружающих холмов, по сравнению с зимними пейзажами.

С тех пор, как я приехал на судно, в декабре месяце, и по сегодняшний день, рейс так и оставался неизменным: Авенмаус – Ватерфорд. И вот, в этом Ватерфорде сейчас опять стоит ошвартованная «Кристина О». Я сидел в ЦПУ и ждал команды об окончании швартовки. Наконец-то я получил команду с мостика – «Отбой».

Как всегда, Володя, наш новый капитан, он приехал из Питера, бодрым голосом скомандовал:

– Ну что! Машине отбой. Выводи главный. Приготовь всё к стояночному режиму. Продолжительность стоянки – неизвестна.

Я приподнялся с кресла, подтвердил принятие отбоя и пошел останавливать насосы, обеспечивающие ходовой режим.

Поставил главный двигатель на обогрев, дождался, пока компрессор подкачает воздух в баллоны. Убедился, что котёл запустился в автоматическом режиме. И всё. Я могу спокойно покинуть машинное отделение. Контроль над работой механизмов в моё отсутствие, будет осуществляться автоматикой.

В машине уже делать было нечего. Я поднялся в ЦПУ. Сел в своё знаменитое кресло и закурил. Немного передохнул, поднялся на две палубы выше и вышел на главную палубу.

Судно стояло у причала контейнерного терминала. Он был весь полностью огорожен колючей проволокой, только вдоль причальной линии можно было выйти за пределы этого терминала. Все контейнеры стояли внутри этой колючки.

Я посмотрел на небо. Погода была чисто английская. Низкие облака, из которых временами сыпал мелкий и противный дождик. Над гребнями ближайших холмов висел туман. Такая была хмарь, что она как раз подходила под стать моего паскудного настроения. На душе было муторно. Всё вокруг уже настолько опротивело, что я не знал, куда бы себя деть.

Но тут с мостика, грохоча по трапам рабочими ботинками, спустился Володя. Он, как обычно, был весел и доволен.

– Что не весел? – походя, спрашивает он меня.

А я, понимая, что вопрос задан просто так из-за проформы, пропыхтел:

– А что тут веселиться? Встали и ждем неизвестно чего, – но он, также бодро и весело, скалясь своей белозубой улыбкой, ответил:

– Сегодня никаких грузовых операций не будет. Суббота! Так что ждем понедельника. Он-то нам точно принесёт какие-нибудь новости.

– Вот и, слава Богу, – подумал я, – Хоть этой ночью можно будет поспать спокойно в своей кровати.

Я посмотрел на Володю. А он уже и забыл, что только что говорил мне. У него уже были какие-то свои мысли.

Мы с ним прошли на противоположный борт. Встали, опёрлись о планширь фальшборта и тупо глядели на серую воду реки, по которой только что подошли к причалу. На противоположном берегу виднелись какие-то разрушенные старинные строения, около которых плавали лебеди. Полюбовались на этих лебедей. Всё-таки – какая это грациозная птица. Немного помолчав, говорю Володе:

– Пойду я прогуляюсь по берегу. Тоска меня заела.

Он понимающе посмотрел на меня и говорит:

– Пошел бы и я с тобой тоже погулять. Но есть и другие дела. Ладно, иди один, а я займусь бумагами, чтобы хоть вечером немножко отдохнуть. Ты там с прогулкой не очень-то задерживайся. Я заказал агенту пузырёк. Он скоро его привезёт. А филины уже готовят барбекю. Так что посидим здесь под тентом, пропустим по надцать граммулек на зуб, – так же скалясь и улыбаясь, проинформировал он меня.

– Спасибо. Попробую не опоздать, – уже веселее ответил я и двинулся к трапу.

Филиппинцы как раз только что закрепили трап, по нему я и сошел на причал контейнерного терминала.

Я вышел на причал, прошел мимо колючки, затем вдоль старинных полуразрушенных строений, по всей видимости, это были когда-то очень хорошие дома состоятельных людей. Им, может быть, было по лет 200–300. А сейчас от них остались только стены. Межэтажных перекрытий и крыш уже давным-давно у них не было. Внутри стен были только заросли крапивы, чертополоха и – больше ничего.

Я прошел вдоль них и вышел на дорогу, ведущую к трассе, по которой ездили грузовики с полными и пустыми контейнерами. Но, сегодня вечером, в субботу, машин не было. Ворота, как и прежде, были открыты. Только за стеклом будки была видна голова охранника. Он позволительно махнул мне рукой, и я тихонечко пошел вперед.

Куда? Не знаю. Я еще не ходил по этой дороге, просто на карте видел, что до трассы тут было где-то с километр. Подумалось:

– Пройдусь до этой трассы. А там посмотрим, что делать дальше.

Окрестности тут я исходил еще в начале весны. За старинными остатками домов был парк. Его, наверное, посадил прежний владелец. Я не думал, что он и сейчас жив, потому что некоторым деревьям этого парка было далеко за пятьдесят лет, а то и более. Он был весь заросший и неухоженный. Деревья в нем были, на мой взгляд, привезены из многих стран мира, в которых побывал их прежний владелец. Когда я бродил по зарослям этого неухоженного парка, то иногда создавалось впечатление, что я и на самом деле находился в каком-то девственном лесу. Настолько были переплены лианы, кое-где росли пальмы, а иногда на лужайке встречалась группки яблочных и грушевых деревьев.

Но когда окрестности парка закончились, то я вышел к полянке, покрытой нежной зеленой травой, за которой стоял солидный особняк современного типа. Когда я прошел вдоль него, то вышел на асфальтированную дорогу, которая и вела к порту. Тогда мое путешествие по окрестностям порта так и закончилось.

А сейчас кое-где вдоль дорожного полотна росли только цветочки. Они то тут, то там пробивались сквозь густую траву.

За воротами порта сразу начинались поля и луга для выпаса животных. Все они были огорожены естественными насаждениями – терновником. Терновник был высажен по периметру всех этих полей и лугов. И сейчас он цвел нежно-желтыми цветами. Издали, посмотрев на них, можно было подумать:

– Какое это нежное растение, так похожее на женщину.

Но, когда подойдешь ближе к нему и присмотришься к этим цветам, то поражаешься. А и в самом деле – женщина. За невинностью и нежной красотой ярко жёлтых цветов тебя подстерегала опасность. Изнутри, из-за каждого цветка, торчали громадные шипы.

Да! Через этот естественный забор из терновника вряд ли бы кто пробрался. Только внизу, где ветки немного не доходили до земли, можно было пролезть ползком, да и то не человеку, а мелкому животному.

Я шёл не спеша, глядя на зелёные луга и цветущий терновник. Дождь перестал. Я даже сложил зонтик и с удовольствием вдыхал теплый, влажный воздух, пропитанный запахом разнотравий. Луга все зеленые. В просветах естественного забора было видно, что то тут, то там на них лежат коровы, вяло жующие свою жвачку, а кто-то из них там и пасся. На других лугах паслись овцы.

Но тут я остановился, мне показалось, что под терновником что-то шевелится. Точно, откуда-то из-под кустов, выскочил заяц. Я застыл как вкопанный. Заяц пошевелил ушами, повертел головой, и вернулся обратно на луг, проскользнув под нижними ветками терновника. Вероятно, там травка была вкуснее. Заяц сделал вид или просто не боялся меня. А я, в свою очередь, не хотел тревожить его.

Слева от меня были уже распаханные поля, что-то на них было уже посажено. Я перешел дорогу, чтобы посмотреть на пашню. А и в самом деле, что-то было посажено на них. Или мне это только показалось. На свежей пахоте были видны цепочки заячьих следов. Кто-то из этих длинноухих, наверное, пересекал дорогу, чтобы побегать и поноситься по этим полям, а потом вернулся обратно на правую сторону дороги, на луга.

Дорога шла немного вверх. Я продолжал свой путь не спеша. Опять заморосило. Но это уже был не дождь. Воздух был настолько пропитан влагой, что мельчайшие капельки влаги так и висели вокруг в воздухе. Комбинезон на мне был довольно таки теплый. Как я был в нём в машинном отделении, так и вышел с судна, не переодеваясь. В рабочих ботинках, в бейсболке, которыми нас снабжали бензовозы и с зонтиком под мышкой. У водителей этих бензовозов, всегда можно было выпросить пару кепок, кружку для чая, какой-нибудь проспект, ручки – всякую мелочь, которую им давали то ли для рекламы, то ли просто она у них валялась в машинах. Эти бензовозы бункеровали нас раз в месяц дизельным топливом. Иной раз интересно было болтать с водителями этих бензовозов. Мужики они были самые простые и обыкновенные. Без всяких выкрутасов. Поэтому мы свободно говорили о политике, о личных переживаниях, о жизни страны. Ну, вообще обо всём, что придёт на ум во время непродолжительной бункеровки. Так что, идя вдоль дороги, я не чувствовал ни холода, ни мороси. Ничего. Просто шел и ни о чем не думал. Был такой дефицит в тишине, и что вот эта тишина сегодня была только вокруг меня. Меня радовало, что вокруг не было ни проходящих машин – ничего. Я остановился, присел на придорожный столбик, который, не знаю для чего, тут торчал у обочины. Потому что обычные километровые столбы (здесь они отмеряли мили) стояли чуть поодаль.

Это был просто какой-то столбик. Ну, просто столбик. Но он оказался такой удобный, что я сел на него и закурил. Я сидел и смотрел по сторонам, выпуская дым от ароматной сигареты.

Вокруг была благословенная тишина и спокойствие. Душа, как будто, стала оттаивать. Я затушил окурок, поднялся и пошел дальше. Слышался только хруст моих башмаков о гравий на обочине дороги.

Я шел, шел и шел. Ни о чём не думая, только наслаждаясь долгожданной тишиной и свежестью пахучего воздуха. Впереди уже стала прослушиваться трасса. Оттуда нёсся гул проезжающих автомобилей. Пора было поворачивать назад. Не хотелось вновь возвращаться в цивилизацию. Хотелось хоть немного, но оттянуть встречу с ней.

И вдруг! Или мне показалось, или это было явью, но как – будто сбоку от меня, чуть правее и сзади, раздался голос:

– Ой!

У меня пронеслась мысль:

– Что за хрень такая? – но голос и в самом деле слышался сзади:

– Ой-ой-ой! – ну, думаю:

– Ну, ничего себе! Что же это такое? – я оглянулся по сторонам – никого нет. Подумалось:

– Вот это да! Это точно крыша у меня уже едет. Как у нас говаривал молодой старпом Валерка:

– Тихо шифером шурша, крыша едет не спеша.

Вот я и подумал что, не спеша-то вот, она у меня и съезжает. Но я все равно осмотрелся. Что же это было такое? Вокруг – никого. По-прежнему всё было так же тихо и спокойно. Я ничего не понял и попытался продолжить свой путь.

Но только я сделал шаг, как вновь раздалось:

– Ой! Ой!

Я вновь остановился в недоумении. Странно. Что это было за «ойё-ёй»? Я еще раз осмотрелся. Под ногами – ничего. Вдоль дороги, ни спереди, ни сзади – никого не было.

Потом я стал осматривать придорожные кусты терновника. Пригляделся к зелени кустов, и среди желтых цветков одного из кустов терновника, на его колючках, я увидел небольшого желтого мишутку. Он был такого же желтого цвета, как и цветы терновника. И, поэтому его сразу-то и невозможно было разглядеть. Он почти сливался с желтым фоном цветочных кустов.

Откуда он здесь мог взяться? Я, перепрыгнув через канаву, отделявшую трассу от кустарника, подошел к этому кусту. Потом с удивлением посмотрел на него.

Мишутка весело улыбался, расправив ко мне свои ручки. Я посмотрел на свою находку и полушутя спрашиваю его:

– Чего кричишь? – а он, как будто в ответ, кивнул головой и махнул мне лапкой.

Я не понял что это такое. Явь это или глюки.

Протер глаза. Посмотрел на этого странного незнакомца. Не верилось – слышал я его голос или нет. Правда это, что со мной происходит, или нет? Разговаривает этот зверь со мной, или это уже у меня в голове точно что-то шуршит?

Но все-таки мишка был, и он действительно застрял в иголках куста терновника, ветви которого под воздействием ветра слегка шевелились.

Он сидел на иголках. Он не упал, когда кто-то его, видимо, выкинул из машины. Но мишка не упал на землю, он просто задержался на иголках терновника. Я протянул к нем руку и взял его. Непроизвольно подумалось: – Вот это да! Если кому рассказать, то не поверят же.

О, какой он был красивенький и хорошенький. Он был только весь мокрый, но так же весело улыбался. Глазки у него были такие веселые и довольные, что настроение у меня само собой приподнялось.

Я взял его в руки и стал разглядывать. Говорю ему:

– Привет, – а он, как будто, в ответ снова махнул мне лапкой:

– Привет-привет, – непроизвольно вырвалось с его стороны.

Что? Он и в самом деле со мной разговаривает? Да и пусть говорит, значит, с кем-то на самом деле, можно будет поговорить в трудную минуту. Я снял его с колючек терновника, и принялся рассматривать.

Это был желтый мишутка, совсем продрогший от напитавшейся влаги. Я отряхнул его от капель дождя и положил к себе на грудь, под комбинезон. Пусть согреется. А он, и в самом деле, был холодный и мокрый. Почувствовав, что он верных руках, мишутка замолк.

Я перепрыгнул обратно через канаву. Не хотелось мне идти на эту трассу туда, где гудели автомобили. Заглянул за отворот комбинезона и посмотрел в глаза спасённого мишутки.

Смотрю, а у него сбоку прицеплена какая-то бирочка с надписью. Я надел очки, чтобы прочесть, что же на ней написано. И прочёл – «Нельсон».

– Ха! Так тебя что, Нельсоном зовут, что ли? – удивленно спросил я его. Мишутка в ответ как будто бы даже подмигнул мне.

Непроизвольно подумалось:

– Вот это да! Ну и нормально! Привет, Нельсон, – погладил я его по мокрой головке, – Пошли назад, будем вместе куковать на нашей «Кристине». Будешь жить у меня, я тебя отогрею, я тебя высушу, и ты будешь жить у меня в тепле. Будешь говорить мне хорошие слова. Утром будешь говорить «Доброе утро!» – вечером будешь говорить «Спокойной ночи!» Давай будем друзьями? – мишка, как будто бы, соглашался со мной, и мне даже показалось, что он опять подмигнул мне, или утвердительно кивнул головой. Интересно. Какой ты хороший! Какой ты замечательный!

Я вновь засунул его себе под комбинезон, но уже во внутренний карман, повернулся и пошел обратно к порту. Думаю:

– Вот это да! Надо же! Или мне это кажется, или он и в правду со мной разговаривает? Не понимаю.

* * *

Но тут же вспомнился случай, который у меня был на «Бурханове». Судно было поставлено на линию из Владивостока в Сиэтл. В Сиэтл мы уже сходили два раза. Ходили с погрузкой и выгрузкой в Магадане. Продолжительность рейса была полтора месяца. В Сиэтле я познакомился с одним мужичком, бывшим стармехом из Приморского пароходства по фамилии Зайцев. Он жил там с молодой женой и пятилетней дочкой Машей. И он как-то попросил меня:

– Ты не будешь против, если на стоянке во Владивостоке к тебе на «Бурханов» придет мой сын. Я с молодой женой уехал впопыхах, убегая от прежней жены, и все свои вещи оставил в Находке. Он привезет тебе несколько ящиков с моими личными вещами. Возьми их с собой, а я у тебя их тут, в Сиэтле, заберу. Если, конечно, тебя это не затруднит, – неуверенно попросил он меня.

– Не затруднит, если там бомбы не будет, – полушутя пообещал я ему.

– Хорошо. Значит, я звоню сыну? – обрадовался Юра.

И когда мы пришли во Владивосток, в один из вечеров на борт судна приходит парень и говорит:

– Я – сын Зайцева и я Вам привез ящики для папы.

– Хорошо, а что же ты предварительно не позвонил мне и не сказал ничего? – было уже поздно, и я с семьей уже собирался ехать домой.

Но он, несмотря на то, что в каюте были жена и дети, напомнил мне:

– Папа мне сказал, что я могу здесь отдать Вам его вещи, – деваться было некуда, ведь мы находились уже в порту под выгрузкой и на завтра был назначен отход.

– Хорошо, – нехотя согласился я, – Давай, тащи сюда свои ящики.

Так он притащил не несколько ящиков, а 15 штук огромных ящиков из-под яблок. Наверное, там было по 24 килограмма в каждом ящике. Здоровенные и тяжеленые оказались эти ящики. Он, со своим другом, под моим руководством, забил ими всю ванную комнату. И плюс к тому же было еще два свёрнутых ковра.

Господи, думаю, вот это да, вот это я влетел. Что мне теперь с этими вещами делать? Потом думаю:

– Да ладно, может быть, пронесёт.

Во время того отхода, таможня во Владивостоке особо нас не трясла. Семен Иваныч умер и никто такими ловкими пальцами не лез в карманы пиджаков, чтобы оттуда достать

один рубль или лотерейный билет за тридцать копеек, которые могли бы серьёзно подорвать экономику СССР. А после нахождения этого преступления, несчастного морячка, который по пьяне забыл вынуть из кармана советское достояние, лишали визы и возможности совершать заграничные рейсы.

Мы же стояли на линии. Возить ни в Америку, ни из Америки было особенно нечего. Это же не японская линия, когда оттуда сейчас прут всяческое барахло, машины и всё остальное к ним в придачу.

Так оно и вышло. Никто особо нас не досматривал. По каютам таможенники не ходили. Мы заполнили декларации, принесли их в столовую, где, как обычно их собирали при отходах. Этим дело и закончилось. Всё. Так и отошли из Владивостока.

Ну, отошли и отошли. Обычно, я с утра ухожу в машинное отделение на работу, возвращаюсь в обед, после обеда опять пропадаю в машине. Вечером смотрю какой-нибудь фильм по видику, и ложусь спать. Такой был режим работы и отдыха в течение рейса.

Но где-то дня через четыре просыпаюсь ночью от того, что кто-то кукарекает. Странно, интересно, думаю:

– Вот это да! Что у меня, крыша едет, или я дурак какой-то?

Я обошел и осмотрел всё в каюте. Кукареканье раздавалось откуда-то из туалета. Там не было видно, откуда это нечто кукарекает. Потому что уложенные ящики стопками стояли чуть ли не до подволока. Думаю – мне это кажется. Положил голову на подушку, заснул – и все. Больше не слышал кукареканья.

На следующую ночь произошло то же самое. А каждый день, приближаясь к Америке, мы переводили часы – один час через два дня. Получается, что первый раз оно закукарекало в 5 утра, потом в 6 утра, потом в 7 утра.

А из Владивостока в Сиэтл с нами решил проехаться корреспондент одной из американских газет. То ли сан-францисской газеты, то ли сиэтловской газеты. Он неплохо говорил по-русски.

По-английски я тоже тренировался, особенно сейчас, потому что в рейс с нами пошла Галина Степановна – преподаватель английского языка.

Как она нас всех дрючила, бедных и несчастных!

Она вычисляла, где только мы можем находиться, ловила нас, и минимум два часа мы проводили в ее твердых, жестких объятиях преподавателя английского языка. Из этих тисков уже невозможно было никуда вывернуться. Галина Степановна скручивала из нас верёвки и вбивала в нас этот английский язык со страшной силой «П» нулевое, невзирая на ранги и должности.

А тут еще и американец был. Так что те знания, которые вбила в нас Галина Степановна, мы понемножку применяли к этому американцу. С носителем языка велись различные разговоры на всевозможные темы. Ох, и любопытный был этот кореспонденьтик. Иногда использовались слова и выражения, которые Галина Степановна вбивала в нас кувалдой. После этого они залегали в памяти глубоко и надолго.

И вот, как-то утром, когда я проснулся от очередного кукареканья, я поднялся на мостик. На мостике, увидев американца, тупо уставившегося в лобовое стекло, я подошел к нему.

Судно было основательное, ледового класса, мощное. Моряки эти суда между собой называли «морковками». Оно имело два мощнейших дизеля. Но мы пока шли только на одном, чтобы было экономичнее. Приближались к Алеутам. Штормило, было пять-шесть баллов, но качки практически не ощущалось из-за солидных размеров нашего судна. Длиной оно было около 180 метров.

Не выдержав тишины мостика, я обратился к корреспонденту:

– Майкл, вы живете в каюте прямо надо мной. Я – старший механик, если Вы помните, – тот утвердительно кивнул головой.

Мы уже с ним неоднократно вели различные беседы на различные темы, в которых то он поправлял мой английский, то я его русский.

Поэтом, убедившись, что он меня понимает и слушает, я продолжал:

– Вас по ночам ничего не тревожит? – он с удивлением приподнял брови, – Потому что расположение вашей каюты примерно такое же, как и мое, – продолжал я, – И туалет и ванная комната у вас находятся так же, как и у меня.

– Правда? А я и не знал об этом. Значит мы по-настоящему соседи? – он изобразил искусственную улыбку на лице.

– Конечно соседи, – не обращая внимания на его эмоции, продолжал я, – Даже и вентиляция из туалета и ванной у нас с вами одна. Так я вот о чём хочу спросить тебя, – мялся я.

Как бы корректнее задать свой вопрос:

– Из вентиляции у тебя кукареканья не слышно?

Корреспондент широко открыл глаза, и они у него округлились до состояния бейсбольного мяча. Он посмотрел на меня с удивлением:

– Нет, ты знаешь, у меня в туалете ничего не кукарекает, может быть, тебе это послышалось? – вежливо предположил он.

– Да нет, – пожал я плечами, – Ночью, то ли в 4, то ли в 5 часов там что-то начинает кукарекать.

– Нет, – решительно по-русски отмел он все мои сомнения, – У меня в туалете ничего не кукарекает.

Когда я узнал, что у него ничего не кукарекает в каюте, я вернулся в каюту. Через полчаса забегает ко мне капитан:

– Дед, ты что, совсем сдурел, что ли! Ты что к этому американцу пристал? Он вообще думает, что у тебя крыша поехала, потому что у тебя там где-то ночью что-то кукарекает.

– Ты знаешь, Владимир Иванович, а оно и в самом деле кукарекает, – попытался я объяснить ситуацию возбуждённому капитану.

– Да не может быть, чтобы кукарекало, – также напирал он на меня.

– Хорошо, – я поднял перед собой ладонь, чтобы успокоить возбужденность капитана, – Тогда я приглашаю тебя на концерт этого кукареканья, – а потом уже спокойнее добавил, – Давай, приходи, посидим, послушаем. Ну, часика через полтора и приходи, – я посмотрел на часы, – Придёшь? – я вновь вопросительно глянул в его возмущенные глаза.

Капитан, немного успокоившись от моих заверений, развернулся и вышел из каюты.

Он и точно пришел в назначенное время.

Я заварил свежий чай, разлил его по фарфоровым чашкам и мы сели, чтобы расслабиться.

Сидим, пьём чай, курим и ждём. Я искоса все время поглядывал на безмятежного капитана.

Но вдруг, на самом деле, послышалось: «Кукареку!».

После первого «Кукареку», капитан подозрительно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Но кукареканье продолжалось с назойливой настойчивостью.

А я, поглядывая на него с ехидцей, спрашиваю:

– Ну и что? Кукарекает? Слышишь?

– Точно! Кукарекает, – озадаченно говорит он. И почесал в ухе пальцем, – Думал сначала, что показалось. А оно, и в самом деле, кукарекает. А где оно у тебя кукарекает? – он уже с любопытством просмотрел на меня. Хмыкнув, я указал ему на спальню:

– Да вон там – за спальней.

А из спальни дверь идет в ванную комнату. Сейчас дверь туда была открыта. Ванная комната была огромной. Там находились ванна, туалет, и еще там можно было бы и в футбол поиграть. Места было достаточно.

Капитан зашёл в ванную и остолбенел – а там все было забито ящиками.

– Откуда ящики?!

– Зайцев попросил.

– Ты что, дурак, что ли?! Если бы ты влетел с этими ящиками во Владивостоке, когда таможня нас проверяла, пароход был бы арестован! Ты что натворил!? – возмущению его не было предела.

– Но ничего же не случилось …, – попытался оправдаться я.

– Это тебе просто повезло. Да! Вот это ты учудил, – его возмущению не было предела.

Он сел в кресло, немного передохнул, чтобы сбросить эмоции, и продолжал:

– Ну и дурак же ты, дед! Елки-палки, вот это же надо…! Как это можно! Ты же все судно подставил бы из-за этого Зайцева!

Потом он немного успокоился и, поглядев на стопу ящиков, предположил:

– Может быть, в каком-то из этих ящиков что-то и кукарекает?

– Да я, вроде бы перебирал их – и ничего не нашёл, – оправдывался я. Но кукареканье неслось именно откуда-то с той стороны. Из ванной комнаты.

Капитан быстро поднялся с кресла и, чуть ли не бегом, проследовал в ванную комнату. А там начал простукивать и переворачивать эти злосчастные ящики.

Бац, бац, бац – ниже-ниже…. Стучал он по ящикам.

– Да! Вот он, – радостно вытащил он из кучи один из них, – Вот из этого ящика у тебя и кукарекает.

И на самом деле. Я прислушался к этому ящику. Точно! Этот ящик и кукарекал.

– Да. Там, наверное, находиться сингапурский будильник. Кто-то нажал кнопку на нем при погрузке – и он, поэтому и кукарекает, – предположил капитан.

– Да ты что!? – я был ошарашен от простоты такого решения.

Вытащили мы этот ящик, отнесли его в дальнюю кладовку и оставили там. До конца рейса я так его больше и не трогал. Не заходил в ту кладовку, но кукареканье в каюте прекратилось.

А когда Зайцев пришел в Сиэтле к нам на борт, я его с интересом спросил:

– Что это у тебя в ящике там кукарекает?

– Да, елки-палки, это моя жена, наверное, будильник положила туда, клавишу на нем нажала – вот он и кукарекает – он долго смеялся над моим рассказом и изумлением американского журналиста.

Капитан, немного успокоившись после моего рассказа, и немного охолонил нас:

– Одно только нормально, что у тебя с башкой всё в порядке, и крыша у тебя не съехала. Это доказывает, что ты ещё не чокнулся, хоть и в рейсе находишься больше полугода, и перед любым судом можешь находиться в полном здравии.

И потом рассказал нам, что этот корреспондент пришел к нему очень озабоченный:

– С вашим стармехом проблемы – у него кукареканье в голове слышно, – со смехом рассказывал нам капитан, – А по нашим законам, если моряк находится в море больше 4 месяцев, то этому человеку нужно отдыхать. А вы уже больше полугода в рейсе. Обратитесь в компанию, чтобы ему срочно предоставили отдых. А то, его ни один суд не возьмет свидетелем в случае любого инцидента.

Капитан успокоил журналиста:

– Все нормально, не переживай. Мы уже нашли где у него в каюте кукарекает и устранили причину. Теперь у него в каюте нет проблем, и он ночами спит спокойно.

Но корреспондент не успокоился и перед подходом к Сиэтлу, застав меня вновь на мостике, спросил:

– У вас больше ничего не кукарекает в каюте?

– Да нет, мы нашли этот ящик, из которого неслось кукареканье, там был будильник.

Тогда корреспондент посмеялся и говорит:

– Да, это был один из морских анекдотов. Я, может быть, опишу его в своей хронике.

* * *

И вот, пока я гулял с Нельсоном, этот случай непроизвольно вспомнился мне. Но тут я уже говорю сам себе:

– Но чтобы медвежонок разговаривал со мной, и я это слышу – странно. Когда я вернулся к себе на «Кристину», никого, конечно, у трапа не было. Следов вечернего отдыха под тентом не наблюдалось. Матрос, филиппок, сидел где-то в каюте. Ужин я прогулял. Кразимир, наш повар, оставил мне кое-что покушать. Я залез в холодильник, сделал себе бутерброд и разогрел в микроволновке ужин. Поужинал и поднялся в каюту.

Посадил на иллюминатор Нельсона со словами:

– Ну, Нельсон, все. Теперь мы будем вместе с тобой путешествовать. Будем вместе работать. Теперь ты будешь моим товарищем. Постарайся всегда создавать мне хорошее настроение. Ты согласен? – Нельсон как будто вдруг моргнул глазами и кивнул головой:

– Да – согласен, – вот тут у меня, и в самом деле, непроизвольно мурашки пошли по спине и непроизвольно вырвалось:

– Вот это да!

Я снял комбинезон, принял душ и лёг в кровать. Наверное, это был один из тех редких случаев за последние почти пять месяцев, когда я ложился раздетым в постель.

Обычно я спал, не раздеваясь, на диванчике или в своём знаменитом кресле в ЦПУ.

Первый месяц на «Кристине» был для меня полным кошмаром. Комбинезон я вообще не снимал. Спал, где придётся. Комбинезоны я просто менял. Один на мне, другой стирается, а остальные сушатся. Как-то раз старпом Валерка заскочил в ЦПУ и, увидев меня, скорчившегося на стульчике за столом, предложил:

– Дед! А не сделать ли нам для тебя достойное лежбище, – я был не против его предложения.

– Но как это сделать? – я был немного озадачен его вопросом.

– Не переживай. Всё сделаем быстро, – Валеркин энтузиазм меня всегда поражал.

При первой же стоянке в Авенмаусе, Валерка попросили Майкла, чтобы он отвёз его на ближайшую автомобильную разделку.

Майкл – пенсионер. Ему далеко за семьдесят. Он одинок и скрашивает свою жизнь тем, что ходит по судам и помогает морякам. Просто так, от души. Помогает и всё. Я ему, иной раз наливаю за его доброту душевную, по паре канистр дизельного топлива, которым Майкл заправляет свой «Лэнд Ровер». Денег у Майкла достаточно. И поэтому и машина у него очень даже приличная. Но, он немного экономит на топливе. Ну и что? Пусть, если ему так хочется. Меня этой дизелькой раз в месяц регулярно заправляют по сорок тонн. Так что сорок литров для Майкла всегда находится. Зато ни у меня, ни у матросов никогда не возникает проблем с посещением берега. Майкл даже возит капитана и Кразимира раз в месяц в супермаркет за покупкой продуктов. Хозяин экономит на шипчандлере. Так его, в какой-то степени, заменяет Майкл.

Майкл отвёз нас на разделку, на которой мы за несколько часов отыскали пару шикарных автомобильных кресел. Хозяин разделки, конечно же, не бесплатно, но по божеской цене, отдал нам эти кресла и привёз нас с ними обратно на судно.

У Валерки появилось занятие. Он несколько вечеров пилил и строгал постаменты для этих кресел. Одно из них было установлено на мостике, а другое у меня в ЦПУ.

Кресло и в самом деле было шикарное. Оно крутилось на 360 градусов, регулировалось и по высоте и по ширине. Его можно было поддуть и отрегулировать наклон спинки и подголовника. А можно было просто разложить, как кровать. Вот тут-то и наступили мои блаженные вахты. Можно было полностью разложить кресло и спать, спать и спать, находясь, как и прежде, в ЦПУ.

Иной раз Кразимир приносил мне еду прямо в ЦПУ, так как покинуть его не было никакой возможности во время длительных отходов из Авенмауса или подходов к Ватерфорду. Видя, как я мирно сплю в таком кресле от усталости, он не будил меня, а оставлял тарелки с едой на столе.

А что может сделать один человек в машинном отделении?

Вход в Авенмаус до 12 часов, выход до 8 часов, переход 8 часов и вход в Ватерфорд 8 часов. Стоянка в Ватерфорде 10 часов и вновь отход. Когда поспать? Когда отдохнуть? Только механически совершаешь какие-либо действия, интуитивно, наработанные тобой за много лет. Или от усталости валишься на кресло. Про поход в каюту и поспать там, на кровати приходилось просто забыть.

Из-за постоянных отходов и приходов, я вынужден был большую часть времени проводить в машинном отделении, где осуществлял все пуски механизмов и постоянно контролировал и обслуживал их.

В машине я был один. У меня не было ни моториста, ни механика, ни электрика. Всё приходилось делать самому. Самому и мыть и красить и заниматься ремонтом. Так что в моём машинном отделении можно было ходить по плитам и без обуви, просто в носках, не боясь испачкать их. Такая у меня была чистота. Хозяин после двух месяцев моей работы, увидев такую чистоту, даже поднял мне оклад почти на двести долларов.

Но бывали и грязные работы, после которых приходилось всё заново перемывать. А если нужно было произвести какой либо ремонт, то мне помогали или старпом, или Ромио.

Ромио работал со мной на предыдущем моём судне, балкере. Длина того балкера была 250 метров. Не чета, этой «Кристине» в 100 метров и осадкой в четыре метра.

А если были ночные отходы из Авенмауса, да ещё и во время прилива, то моё нахождение в ЦПУ продлевалось часов на 6. Потому что отливы и приливы в Бристольском заливе достигают 9 метров. А против прилива «Кристина» ползла по 9 узлов, вместо 19 по отливу.

А если ночью на ходу срабатывала какая-нибудь сигнализация, а я в это время находился в каюте, то приходилось стремглав лететь в машину для выявления устранения причин срабатывания сигнализации.

Поэтому-то я и находиться большее время суток в ЦПУ и мне приходилось возлежать в этом знаменитом кресле в ЦПУ, а не в каюте. Я был очень благодарен Валерке, за его заботу обо мне.

* * *

А тут – в кровати, на свежих простынях – я моментально уснул, как будто провалился в глубокую и тёмную яму. Только услышал утром, сквозь сон, что звонит будильник. Я поднялся, встал, протер глаза и пошёл умываться. Нельсон так же, улыбаясь, сидел на иллюминаторе. Я помахал ему рукой и сказал:

– Привет, Нельсон! Как дела? – он как будто меня понял и стал улыбаться еще шире. Улыбка его была все такой же, как и прежде, веселой и обаятельной. До конца контракта оставалось почти два месяца. В зависимости от того, как наше круинговое агентство пошлет мне замену. Надо собрать оставшиеся силы и продержаться всё это время.

Тяжело давался мне этот рейс. Ой, как тяжело. Я согласился пойти на него только из-за Алёши, своего старшего сына. У него были проблемы. Он связался с какой-то нехорошей

компанией, влез в какие-то дела. Я еле-еле его выпутал из одной сложной истории. И его мать упросила меня, чтобы я взял его с собой в рейс.

Я и так уже собирался в декабре в рейс. О чём уже вёл переговоры с Питером Борчесом из Гонконга и круинговым агентством в лице его представителя. Тогда, в ноябре, я пришёл к Наталье и говорю:

– Все, все свои дела я уже закончил. Ты смотри за Алёшей, чтобы он никуда опять не вляпался. Чтобы опять чего-нибудь не натворил.

– Сделай хоть что-нибудь, сделай так, чтобы его устроили на работу, – слёзно молила она меня.

Тогда я пошел в свое агентство и попросил своего агента:

– Сын у меня есть, закончил мореходку. Он с дипломом штурмана и хочет работать.

– Да, но у него и опыта-то нет никакого, – отнекивался от меня агент.

– Да пусть хоть матросом поработает. Для работы матросом – есть у него опыт, я его брал с собой в рейс на шесть месяцев, мы ходили с ним на линии Хайфон – Сингапур, он там проявил себя замечательно, со всей своей лучшей стороны. Капитан ему даже похвальное письмо написал и в пароходство и в мореходку. Можешь посмотреть.

– А, я помню, когда это было, – недовольно мямлил агент. Так ему не хотелось приобретать на свою голову новые заботы.

– Если ты всё помнишь, то какие проблемы у тебя сейчас? Давай, оформляй его на работу. Пусть парень становиться на ноги. Не дай ему скатиться до уровня его друзей, которые только и знают, что у баньдюгов быть в охране, да наркотики трескать, – пытался я убедить агента.

– Пусть сначала принесет мне свои документы, – уже пошёл на попятную агент, – Для начала ему же визу хотя бы открыть надо, сделать паспорт моряка и сделать все морские документы.

Я поехал к агенту, взяв с собой Алешу.

– Вот он – сын мой. Вот его паспорт. Делай с ним что хочешь, но мне нужно, чтобы он был, как можно быстрее готов был выйти в рейс. А ты сам-то готов? – я уже обратился я Алёше. На что получил только утвердительный ответный кивок от своего сына.

Он, вообще-то и по жизни, был не очень то разговорчив.

– Я хочу позвонить Питеру Борчесу в Гонконг, – продолжал агент, – Поговорю с ним, и тогда будет известно, возьмет он его на работу или нет. Но мы его можем взять только в ту компанию, в которой ты работаешь, потому что в других компаниях у нас перебор, своих людей навалом, очень много желающих идти работать под флагом. Просто работать, даже за те деньги, что платит эта компания, – он с пониманием посмотрел на меня. Ну, матросу, насколько, я знал, платят 800–900 долларов в месяц. Больше 1000, по-моему, сейчас не платили.

Поняв, что дело сдвинулось с мёртвой точки, и агент сделает всё возможное, я поручился за сына:

– Да он и за эти деньги пойдет. Мне надо его услать подальше от этой компании, в которую он тут ввязался. Вытащить его из этого болота, – я многозначительно посмотрел на сына.

Хорошо, что я тогда это сделал, потому что его друзья, которые были в этой компании, почти все сели в тюрьму, стали наркоманами, а один, последний из его «друзей» – наркоман, умер лет через 10 от передоза. Но Лёшика это не коснулось, потому что я его, хоть и со скрипом, но вытащил оттуда.

Этим же вечером я позвонил в Гонконг Питеру Борчесу, долго ему объяснял всю создавшуюся ситуацию. В конце концов, он понял всё и согласился со мной:

– Напиши мне все это в письме и отправь его по e-mail.

Я тут же отправил ему письмо. Питер мне ответил буквально через 5-10 минут и позвонил на домашний телефон со словами:

– Я прочитал твоё письмо. Хорошо, я согласен взять его на работу. Ты как хочешь, чтобы вы работали вместе?

– Я хочу, чтобы он вместе со мной пошел на судно и был под моим присмотром.

– Ну, не знаю, получится это или нет, но, во всяком случае, сейчас на одном судне освобождается место старшего механика и матроса. Мы попробуем это сделать. Но это будет ближе к Крисмасу.

– Я согласен на все, я готов, – горячо подтвердил я Питеру и поблагодарил его за участие в судьбе моего сына.

Я быстренько скрутил Лёшку в охапку. Тут же, за две недели ему сделали визу, он получил все сертификаты, но на всё это пришлось дать ему денег, чтобы он все это прошел побыстрее.

Перед Крисмасом, компания купила билет только на меня, чтобы я ехал на судно. Для Алёши билета не было. Я был очень удивлён этим и вновь позвонил Питеру Борчесу:

– В чем дело, почему билет только мне, а не сыну?

Тот что-то замялся, говорит:

– Не переживай, я его все равно устрою на работу.

И я поехал на эту «Кристину О» до Москвы, из Москвы в Лондон.

Выхожу в Лондоне из самолета, тут же проверка. Таможня. Таможенник спрашивает:

– Вы зачем сюда приехали?

– У меня письмо от агента. Вот оно, – я вынул сопроводительное письмо из портфеля и показал его таможеннику, – Я приехал на судно.

– Вы на работу приехали?

– На работу по контракту на судно.

– Понятно.

Не задавая больше лишних вопросов, он поставил мне печать в паспорт. Все, допущен в Англию без права на работу на берегу, без права найма на работу. Я посмотрел на него, говорю:

– Хорошо.

Вышел из здания аэровокзала и осмотрелся. Первый раз в Лондоне. Куда идти, что делать дальше – не знаю. Решил позвонить агенту. Телефон агента мне дали ещё во Владивостоке. Я позвонил агенту и доложил, что я уже приехал, что я уже в Хитроу.

Сегодня уже 24 декабря, никому не нужна головная боль по устройству какого-то старшего механика, поэтому агент и отфутболивает меня: – Садись на автобус.

– А где тут автобус? – я понятия об этом не имел, – Я первый раз в Англии. Как к нему пройти? – попытался я хоть что-то выяснить у агента.

– Перейдешь дорогу, пойди направо, там увидишь автобусную остановку. Купи себе билет до Бристоля. До Бристоля и поедешь. От Бристоля возьмешь такси и доберешься до Авенмауса, где и стоит твое судно. Понял? Не забудь взять чек у таксиста, который мы потом тебе оплатим. Понял? – явно чувствовалось, что агенту не до меня, но он хоть так выполнил свой долг.

– Понял, – для меня хоть что-то прояснилось, – Хорошо, и я пошел к автобусной остановке.

Автобус отходил минут через 40. Я разменял доллары на фунты, потому что доллары в Англии не берут, а только фунты. Поменял сразу 100 долларов. Меньше купюр у меня с собой не было. Купил за 18 фунтов билет на автобус. И у меня еще оставалось около 50 фунтов. Сел в автобус. Хороший такой, мягкий автобус. Со мной рядом сел парень, засунул себе наушники в уши, и так два с половиной часа он и ехал с этими наушниками.

А напротив сидели две женщины. Ну, я не знаю, как про одесситок, их я видел в знаменитой Одессе. Но я впервые видел, чтобы английские женщины были такие же болтливые, как наши одесситки. Два с половиной часа они без умолку о чем-то говорили, наверное, у них

был какой-то общий интерес. Они были так увлечены своим разговором, что вообще ничего не видели и не слышали вокруг.

А для меня была интересна сама дорога. Вокруг было очень влажно, туман, морось. К этому мне не привыкать. Во Владивостоке с мая по июль стоит точно такая же погода. А тут декабрь.

Интересно было то, что руль у всех машин английский, и естественно, движение не так как у нас. Но и к этому мне не привыкать. Во Владивостоке почти все машины с правым рулём. И сам я езжу на такой же праворульной тачке. И, не знаю даже, как бы я сел за руль леворульной машины…. Как бы я на ней поехал? Интересные разъезды, развязки, а дорожные знаки почти не отличаются от наших. Я с интересом смотрел на дорогу, кто как кого обгоняет, какие машины тут ездят.

Во Владивостоке мы ездили только на японских машинах, с таким же рулём, поэтому особо я не был удивлен этим, но чтобы движение было таким!.. Ну, английское и есть английское движение. Хотя я и по Японии и по Индии ездил, вернее меня возили. Но всё равно быть первый раз в стране и наблюдать за всем – это интересно. Обязательно найдёшь что-либо, что тебя удивит.

И вот мы так и доехали до Бристоля.

* * *

Я всегда вспоминаю тот случай, когда мы с Инной были в Одессе и спросили у одной женщины в трамвае:

– Скажите, пожалуйста, а где у вас здесь кассы, в которых можно купить билет в оперный театр?

Одесситка сразу так встрепенулась:

– А зачем вам оперный театр?

– Ну, мы хотим оперу послушать, – я был немного в недоумении от такого вопроса.

– Вы хотите купить билеты в оперный театр? – уже более заинтересованно спросила эта очень аккуратно одетая женщина.

– Да, мы хотим купить билеты в оперный театр, чтобы послушать, что там в этом оперном театре у вас есть. И это все, что мы хотим, – мне стало немного не по себе от такой заинтересованности.

– Хе, граждане, вы посмотрите, они хотят купить билеты в оперный театр… – на весь трамвай, который шел по проспекту Красной Армии, громогласно возвестила дама, – И они его хотят купить его посреди улицы Красной Армии! Доехали бы до самого театра и купили их там. Там где именно эти билеты и продаются. Что? Так трудно доехать до этого оперного театра? Тут и пересаживаться не надо. Ехай себе да ехай.

Я умоляюще смотрю на возбуждённую одесситку и пытаюсь, ну хотя бы ненамного снизить тембр её голоса:

– Женщина…, – уже, прошу я её, стараясь говорить тише. И Инна тоже просит громогласную мадам:

– Но мы же просто хотим купить билеты. Вы скажите. Где это можно лучше сделать?

Я понял, что тут сейчас начнется ужасающе странное представление. Весь трамвай начал обсуждать, где нам лучше выйти и купить билеты в этот «ёперный» театр. Тогда я взял Инну за руку, и мы выскочили из этого трамвая, так ошарашенные и обалдевшие от тех коллективных советов, который давал нам весь трамвай и, наверное, ещё и пол Одессы. Трамвай тронулся, но, по-моему, одесситы еще там и дальше обсуждали, как и где лучше купить билеты в оперный театр. Я тогда сказал Инне:

– Инночка, мы тут больше так никого не будем спрашивать, потому что здесь такие люди, которые все хотят узнать от нас и во всем нам хотят очень сильно помочь. Давай лучше разберемся сами, где купить билеты в оперный театр, – но билеты в оперный театр мы тогда так и не купили. Просто театр был в этот год на ремонте.

И вот, по приезде на автовокзал в Бристоле, меня чёрт дернул обратиться к этим двум женщинам. Я вежливо спросил их:

– Дамы, вы не знаете, как мне пройти на остановку такси?

Я получил тот же самый ответ:

– А что вам надо на этой остановке такси? – я был так ошарашен тем, что тут так чётко была проведена связующая линия между Одессой и Бристолем, которая крепкими узами братства связала два этих города навеки. У меня слов даже не хватило. Я говорю им:

– Вообще-то, я хочу взять такси, чтобы доехать до Авенмауса.

– А!.. Такси…. Послушайте! – дамы уже обращались ко всему автобусу, – Он не знает, где лучше взять такси! Что может быть проще в этом городе. Вам просто надо завернуть за угол, и там будет остановка такси.

Англичане люди более скромные, чем одесситы, гвалта в автобусе не получилось, но сразу с помощью ко мне обратилось еще три человека, и парень, который сидел рядом со мной. Он снял наушники, и они стали вшестером объяснять мне, как мне повернуть за угол, как там выйти на соседнюю улицу, потом там еще раз свернуть налево – и там будут стоять такси. Подойти к первому из такси, которые стоят в очереди, и что надо сказать этому таксисту, чтобы он отвёз меня по назначению. Я поблагодарил всех своих советчиков и с облегчением вздохнул, когда наконец-таки покинул автобус.

Следуя четким указаниям шестерых доброжелательных англичан, я прошел к остановке такси. Там, и правда, стояло несколько машин. Я подошел к первой машине, сказал таксисту, как мне и советовали доброжелатели, куда мне надо ехать.

А те попутчики в автобусе поняли сразу, что я иностранец и мне трудно будет сориентироваться в чужом городе. Поэтому, наверное, они мне так подробно и доходчиво всё объясняли. Но тогда мне показалось, что говорили они не со мной, а скорее между собой. Когда эти две женщины разговаривали между собой, то они тарахтели так, что из пяти слов можно было понять едва одно. А тут они разговаривали со мной медленно, доходчиво и я понял все их слова. Потом я так же медленно попросил шофера довезти меня до Авенмауса. Он поинтересовался, чем я буду платить. Я говорю:

– Наличкой, но мне нужен чек.

– Хорошо, поехали.

Таксист услужливо открыл дверь, уложил мой багаж в багажник, и мы поехали в Авенмаус. Времени это заняло не больше тридцати минут, может быть, чуть больше. Когда такси подъехало к проходной порта, то полицейские в красивых высоких шапках сделали отмашку, открыли шлагбаум, и на такси мы въехали в порт.

Это тоже интересно, потому что в наш порт на такси просто так не въедешь. Для этого нужно специальное разрешение, в которое вписывается номер паспорта. К тому же надо было ещё заплатить деньги в кассе, чтобы въехать в порт, взять пропуск и показать его охраннику на проходной. Процедура длилась бы минут 15–20 минимум, если бы не было очереди на проходной в кассу, где записываешься на получение пропуска.

А тут полицейский просто махнул рукой, и таксист въехал в порт. Мы объехали почти всю бухту. Как потом оказалось, это был огромный док, который запирался специальными воротами, чтобы уровень воды в доке не зависел от колебания приливно-отливных течений. Наконец-то подъехали к доку, в котором стояла моя «Кристина». Когда я впервые увидел её сбоку, то оказалось, что это был небольшой пароходик на два трюма, метров 100 длиной с небольшой надстройкой на корме. «Кристина» стояла у контейнерного терминала.

Таксист подъехал к контейнерному терминалу, но не смог подъехать к судну – терминал был огорожен колючей проволокой. Он объехал терминал с другой стороны – и там не смог въехать в него. Там тоже была колючая проволока. Тогда я прекратил желания таксиста помочь мне добраться до судна:

– Да ладно, я вдоль причальной линии пройду к судну, спасибо, что довез, – таксист выписал мне чек. Всё. Мы попрощались, а таксист на прощанье даже дал мне свою визитную карточку.

Я прошёл вдоль колючей проволоки, идущей рядом с причальной линией, и двинулся к судну. Подойдя к судну, я увидел спущенный трап. Только подошёл к трапу – господи, боже мой! У трапа на вахте стоит Марио. Он на предыдущем моём судне был матросом. Я говорю:

– Привет, Марио, что ты тут делаешь?

– Да вот, сегодня утром с Филиппин прилетел.

Так вот почему Питер Борчес что-то мямлил во время нашего последнего разговора! Ведь знал же он, что Марио уже назначен на это судно. Но промолчал. Как же быть с Лешкой тогда? Что же это Питер обманул меня? Подвел. Что же будет с назначением сына? Проглотив эту обиду, я спросил у Марио, где капитан и где стармех.

– Стармех в машине, он готовит её к отходу, потому что позвонил агент и предупредил, что ты скоро приедешь. Сейчас мы будем отходить, капитан тебя уже ждет на мостике. Я покажу тебе каюту, в которой ты будешь жить, а сейчас поднимайся на мостик к капитану.

Он подхватил мой чемодан и занёс его в каюту. Каюта была на палубу выше. До неё вёл трап в пять ступенек. Каютка была малюсенькая. В неё можно было протиснуться только боком. Кровать и диванчик, на котором во весь рост не ляжешь. Я поставил чемодан и портфель на него и пошёл на мостик. Еще пара таких же трапов наверх – и уже мостик.

Когда я вошел на мостик, то навстречу мне вышел крепкий, высокий, бородатый мужичина ростом, наверное, больше, чем метр 90. На вид лет шестидесяти. Борода с проседью. Он на хорошем английском поприветствовал меня и попросил, чтобы я принес ему все свои морские документы. Я вновь спустился вниз, открыл портфель и достал все документы, которые были нужны капитану. Вернувшись на мостик, я передал их капитану. Тот поинтересовался, как я доехал, устал я или нет. Ну и рассказал мне перспективы работы на ближайшие дни.

А сегодня у нас как раз было 24 декабря. Завтра будет Крисмас. Сегодня последний рабочий день во всем католическом мире. Он грустно пошутил: – Ну а мы отходим. Нам надо работать, – он переснял копии моих документов и передал данные обо мне в порт контроль. Когда всё было оформлено, я спросил его:

– А стармех где? Как бы мне с ним встретиться и поговорить?

– Он в машинном отделении. Он уже готовит машину, мы сейчас будем отходить, – капитан был уже озадачен другими проблемами.

А мне предстояло, встретился тут с другими.

Я, конечно, был расстроен. У меня последняя зарплата была 3200, а тут из-за того, что якобы Питер пошел мне навстречу и пообещал взять мне сына на одно судно, мне назначили зарплату в 2850. Тогда я, скрипя зубами, сказал в агентстве:

– Хорошо, я пойду на эту зарплату, но только чтобы со мной был мной сын. А в итоге, и Лешки со мной нет, и зарплата 2850, и контракт шесть месяцев, вместо четырёх, как прежде.

Ну, что делать? Работать всё равно придётся, контракт ведь подписан. Всё! Уже поздно кукарекать.

Я спустился в каюту, переоделся в комбинезон. Спустился еще на палубу ниже – там стоял повар. Почему повар? Да потому что он был в белом халате, переднике и белой шапочке. Он приветствовал меня на русском языке. Но, с каким-то твёрдым акцентом. Оказалось, что он болгарин и зовут его Кразимир. Он меня сразу спросил:

– Кушать хочешь?

– Да пока нет.

– Ну, если захочешь – все найдёшь в холодильнике, – он указал на дверь небольшого камбуза.

– Хорошо, Кразимир, спасибо, но сейчас я пойду в машину. А куда идти-то? – А вот сюда и иди. Иди вниз – не ошибешься. Тут негде блуждать. Сам всё увидишь.

Я спустился на пару трапов вниз, открыл дверь и вошёл в помещение, ярко освещённое флуоресцентными лампами. Это и было ЦПУ с пультом управления. Но никого в нём не было. Стол с открытым машинным журналом, какой-то непонятный стульчик и открытая дверь в машинное отделение из которого нёсся шум работающих дизелей. Двигатель еще не запускался, а шум от вспомогательных дизелей был довольно таки ощутим даже здесь.

Я, закрыв за собой дверь в ЦПУ, спустился еще ниже. Смотрю, там ходит какой-то мужик с небольшой бородкой, лет на 10 старше меня. Как потом оказалось, ему было 58, а мне в то время – 48. Но ничего необычного в его виде не было. Механик, как механик, одетый в немного испачканный, но выстиранный синий комбинезон.

Он посмотрел на меня из-под лобья и продолжал заниматься прежними делами, как будто меня здесь вообще не было. Он закачивал балласт в танки и тут же параллельно готовил к отходу машину.

Закончив очередную манипуляцию, он протянул мне руку.

Немного напрягая голос, чтобы его было лучше слышно, он прокричал:

– Збышек.

Я в ответ пожал его широкую ладонь, наклонился к его уху, защищенного наушниками, и тоже крикнул:

– Алексей.

А так как он работал, то руки у него были в перчатках, а у меня – нет. Поэтому я пожал его руку за запястье. Он вновь наклонился к моему уху: – Пойди в ЦПУ, там, в ящике стола возьми перчатки. А потом приходи сюда и я тебе буду показывать, как готовить машину к отходу, – все это он прокричал по-русски, почти без акцента.

Я быстро сгонял в ЦПУ, где взял перчатки, и мы с ним продолжили готовить машину к отходу.

А машина-то, господи… слова доброго не стоит. До крышек можно было достать рукой. Как дизель генератор с предыдущего моего балкера «Фредерике Зельмер».

Там главным двигателем был шестицилиндровый здоровущий дизель «MAN», у которого поршень был диаметром 900 миллиметров, и высотой этот «MAN» был в три с половиной этажа жилого дома. Когда мы в Китае дергали из него втулки, то китаец, который залез туда обмерять втулку не смог оттуда вылезти без посторонней помощи. Ему приходилось туда спускать специальный трапик.

Эта втулка могла стать хорошей тюрьмой тому, кто бы попал туда. Там можно было и умереть, если тебя там забудут, потому что из этой втулки просто так не вылезешь. Она была 90 сантиметров в диаметре, и у нее были полированные до зеркального блеска поверхности. В дополнении ко всему и высота этой втулки была три с половиной метра.

А тут двигатель… Одно название, что главный двигатель. Я смотрел на него с недоумением.

Ну – обычный восьмицилиндровый дизель генератор.

Вспомнилось, что еще Питер Борчес допытывался у меня по телефону:

– Ты когда-нибудь работал на «МАКах»? Ой, это такой двигатель! Он такой сложный! Ты сможешь с ними работать? – а сейчас я смотрел на этот дизелёк – господи, боже мой!.. Смех и грех – главный двигатель.

Я перед отъездом на судно просмотрел историю этих «МАКов». На наших подводных лодках стояли точно такие же дизеля, только содранные у немцев и сделанные русскими спе-

циалистами на балтийских заводах. Так что, этот дизель был мне знаком от пяток до макушки и от передней панели до маховика, и проблем с этим дизелем у меня не должно было возникнуть.

После того, как мы подготовили главный двигатель к пуску, прокрутили его на воздухе и топливе и передали управление на мостик, только тогда мы поднялись в ЦПУ, где уже не надо было кричать друг другу на ухо.

Поляк вновь представился, уже сняв с рук перчатки:

– Збышек. Сейчас мы с тобой посмотрим, как двигатель запускается с мостика, и тогда уже поговорим обо всём.

Двигатель работал на винт регулируемого шага, и поэтому он, после запуска, работал постоянно при одних и тех же оборотах. Штурман же с мостика только регулировал разворот лопастей, чтобы придать судну передний или задний ход.

Для меня это тоже было не новостью, потому что на «Бурханове» у меня был такой же винт. Ничего сложного в его эксплуатации не было. И для меня это не было открытием.

Меня больше всего удивляло только одно, что в машинном отделении я буду – один.

На палубе были три матроса и боцман. В кают-компании только повар. Один старший механик в машине и капитан со старпомом на мостике. Все – это был весь наш экипаж.

На предыдущем судне у меня было три вахтенных моториста, три вахтенных механика и два электромеханика. Электрик, и два токаря-сварщика. Народу было достаточно. Но там и работы было много на этом трехэтажном дизеле, да и на всем этом судне. Настолько оно было запущено. А тут я был только один. Вот это меня больше всего и озадачивало. Хотя все работы – токарные, слесарные, сварочные, я мог делать сам без проблем. Жизнь научила. После запуска и проверки главного дизеля в работе мы сели со Збышеком и просмотрели все параметры работающего дизеля. Я надел наушники, обошел машину и еще раз всё осмотрел, чтобы лучше усвоить, полученную только что информацию.

Ну, что машина? Спустился по трапу вниз и все – ты уже на нижних плитах у главного дизеля. По трапу поднялся – и ты снова уже в ЦПУ. Только было ещё и соседнее машинное отделение. Там стояли два дизель генератора. В настоящее время они работали. Я заглянул в третье отделение – там была тишина. Разобранный дизель генератор лежал вверх ногами.

После обхода Збышек и рассказал мне, как он обнаружил неисправность в этом дизель генераторе и заказал все необходимые запчасти. Они сейчас уже получены. И нам с ним вместе, в течение этого трёхсуточного рейса, а идем мы сейчас в Голландию на ремонт, потому что масло вытекает из дейдвуда, предстоит этот дизель собрать, поставить «на ноги» и запустить. И на все это нам даётся только три дня. Столько же времени займёт и переход. И вот уже тогда Збышек уедет на Новый год домой, а я продолжу здесь работать в гордом одиночестве.

Так что в Голландии нам предстоит стать в док, где должны будут устранить утечку масла из дейдвуда. До 30-го числа судно должно будет простоять в этом голландском доке, и произвести все запланированные ремонты. А 31-го числа будет отход из Голландии обратно в Англию, чтобы 3-го января вновь стать под погрузку в Авенмаусе.

После отхода от причала пришлось ещё шесть часов сидеть в ЦПУ, обеспечивая безопасный проход в док, из дока и вдоль всего Бристольского залива. До выхода из всех зон разделения в свободные воды. Только тогда от капитана с мостика поступил приказ:

– Останавливать вспомогательные дизеля. Вводить главный двигатель в ходовой режим.

Збышек показал мне, как всё это делается. И только тогда мы уже вдвоем вышли из машинного отделения. Было далеко за полночь.

Я спросил у Збышека, где же мне можно помыться, а он показал пальцем на дверь за углом и говорит:

– Вон там есть душ. Иди и мойся. У меня в каюте есть свой. А когда будешь стармехом вместо меня, то и будешь в нем мыться, а сейчас я в своем душе буду мыться только сам.

Я помылся в душе, который был за углом.

На кровати лежала брошенная простынь и подушка с наволочкой. Одеяло я нашел в небольшом шкафчике, прикреплённым над кроватью. Чемодан мой никак не помещался в этой миниатюрной каюте. Я просто бросил его на диван, лёг на кровать и уснул.

Через несколько дней мы, и в самом деле, пришли в Роттердам и встали в док.

* * *

Нельсон долго со мной путешествовал. Он перебывал со мной почти на всех моих судах. И всегда в трудную минуту он подбадривал меня своей улыбкой. А иногда, в особые тяжёлые моменты, он мне дружески подмигивал, стараясь поддержать меня и придать мне силы для преодоления трудностей в жизни судового механика.

Он до сих пор всё время находится со мной. Правда, его место обитания сейчас не каюта моего очередного судна, а всего лишь шкафчик с моей парфюмерией.

Каждое утро я открываю этот шкафчик, чтобы взять оттуда одеколон и протереть им лицо после бритья.

Открывая шкафчик, я всегда говорю своему старому другу:

– Привет, Нельсон.

А он задорно мне подмигивает и желает мне удачи на весь сегодняшний день. Я закрываю шкафчик, оставляя там Нельсона, а сам, подбодрённый его улыбкой иду заниматься своими делами.

«Бородин»
Жизнь судового механика

Инспектор отдела кадров хитро посмотрел на Малова:

– Ну что? Хватит тебе бездельничать. Наверное, уже замучался бичевать? Не хотелось бы тебе пойти и поработать?

При таком раскладе Малов, конечно, был бы не против и поработать. Тем более что это было слишком шикарно предложено:

– Бездельничать и бичевать.

Хотя он приехал только неделю назад в Петропавловск после отпуска и набичеваться уже успел. Некоторые из моряков, бывало, и месяцами сидели, ожидая подходящего судна. Но это была – «элита», а он – простой четвёртый механик, только что после училища. Хотя уже за спиной имел год работы в этой должности.

Малов не стал возражать инспектору. Инспектор есть инспектор, пусть говорит, что хочет. Он бог и царь. От него зависит его судьба и судно, на которое он тебя пошлет. Поэтому ничего Малов ему не стал говорить, и молча стоял перед ним в ожидании решения своей судьбы.

Инспектор покопался в бумагах, вытащил карточку Малова, еще раз просмотрел её, а потом, изображая, что он долго что-то ищет и думает, вновь посмотрел на свою жертву:

– Так, – утвердительно сказал он, – Все. Пойдешь на «Бородин».

Что такое «Бородин» – Малов понятия не имел. Он только слышал, что такое старенькое судёнышко есть в пароходстве, поэтому осторожно спросил у инспектора:

– А что это такое этот «Бородин»?

Инспектор многозначительно поднял указательный палец над головой:

– Придешь – увидишь. Отличный пароход, лучше его у нас в пароходстве нет, – и криво усмехнулся.

Ну что ж, если лучше нет, то придётся с этим соглашаться.

– Хорошо. Я согласен, – подтвердил Малов, покорно стоя у стола инспектора, в ожидании его дальнейших решений.

Не то, чтобы он был доволен, а то, что бичевать уже точно больше не придется. Постоянно приходилось думать о еде и ночлеге. Но, Малову повезло. Его друг по училищу Стас сейчас, был дома один. Его жена с детьми уехала на материк. Поэтому ночевал Малов у него, а не в гостинице для моряков, которая в простонародье называлось «бичхолом».

Одно Малова только напрягало, что без бутылки туда не приходи, а то друг всех твоих благих намерений не поймёт. Возьмёт и обидится. Где потом ночевать? А пить уже порядком надоело.

Поэтому Малов стоял навытяжку перед инспектором и ждал. Что же он будет делать.

А инспектор, видя покорность Малова, выписал ему обходной лист со словами:

– Вначале сходи в ВЛКСМ, потом в военно-учетный стол, а затем уже к механикам-наставникам. После этого вернешься ко мне, и вот тогда я уже выпишу тебе направление на судно.

Процедура была знакомая. Все, указанные в «бегунке» пункты Малов прошел быстро. Никто не обратил внимания на молодого четвёртого механика, бегающего с обходным листком. У всех чиновников, а это были истинные моряки, (для них он был просто плавсостав – пешка, которую можно было двигать, куда захочется) и у них были свои неотложные дела, за которыми суета какого-то четвертого механика с обходным листком – ничто. Пыль. Они небрежно, не глядя в листок, подписывали его и также небрежно возвращали его Малову, даже не взглянув тому в глаза.

Только у наставников произошла небольшая заминка.

Механик-наставник, который отвечал за группу судов, в которую входил «Бородин», посмотрел на Малова и с сочувствием спросил:

– Ты хоть представляешь, куда ты идешь?

Отвечать надо было на все вопросы обязательно бодро и незамедлительно, поэтому Малов, как и прежде в училище, бодро брякнул:

– Нет.

Наставник повертел в руках обходной и со вздохом произнёс:

– Это сложный пароход.

– Почему? – так же, не задумываясь, задал Малов свой первый за целый день вопрос.

– Старенький он, там много, что ломается, и много, что не работает. Мы скоро планируем его списать на гвозди, но ему ещё нужно проработать несколько рейсов. Сможешь осилить такую работу?

В этой ситуации только и оставалось, что так же бодро отвечать:

– Конечно, смогу!

Наставник сочувственно покачал головой и поставил свою подпись напротив графы – «Наставники».

Получив от него обходной лист, Малов вновь спросил:

– Куда мне теперь?

– Если ВМП прошёл, то дуй в кадры. Теперь ты по уши в их распоряжении, – отмахнулся от Малова наставник. Он свою работу сделал. Теперь этот четвертак ему был абсолютно не интересен.

У Малова было не то положение, чтобы перебирать судами. Знакомых у него не было и волосатой лапы тоже не было. Поэтому оставалось только одно – куда пошлют, туда и идти.

После того, как обходной лист был полностью заполнен, Малов вернулся к инспектору отдела кадров.

Тот, тоже не глядя на него выписал направление, и со значительным видом произнёс, будто он облагодетельствовал Малова чем-то серьёзным, например, премией в виде полугодового оклада:

– Все. Иди, удачи тебе. Работай, – и протянул Малову подписанное направление на судно.

– А куда идти то? – Малов всё ещё не понимал, что судьба его уже решена и ему остаётся только идти, и ещё раз идти подальше от этого отдела кадров и сборища настоящих моряков.

Инспектор на секунду задумался и посоветовал:

– У Морвокзала сядешь на рейдовый катер и поедешь на свой «Бородин». Он стоит лагом около плавбазы. По-моему, она называется «Василий Богатырев». Вот у неё то, твой «Бородин» и стоит, – Малов даже не успел удивиться, что «Бородин» уже стал его, – Он там грузится консервами на Находку.

Это известие Малова даже обрадовало. Вот это да! Находка! Это же рядом с Владивостоком, откуда он сможет съездить домой. А там он постарается сделать все, чтобы отпроситься и увидеть свою юную жену!

Хоть в этом повезло!

Это затмило перед ним всё, поэтому остальные «прелести» предстоящей работы у него напрочь вылетели из головы.

Малов забрал у инспектора направление и поехал к Стасу, чтобы попрощался с ним.

Перед тем, как зайти в дом Стаса, он зашёл в гастроном, и купил обычный набор – бутылку «Варны», булку хлеба и полкило минтаевой икры на закуску.

Когда он открыл дверь ключом, которым его одарил Стас, то увидел что он после вчерашнего «отдыха» сидел на кухне за столом в майке и трусах и «мучился» с очередной бутылкой пива.

Увидев Малова, Стас даже обрадовался. У него созревало желание рассказать Малову о своих страданиях прямо сейчас. Его поблекшие глаза напрямую так и говорили об этом. Но, зная Стаса и предполагаемую беседу, Малов опередил его:

– Всё, Стас. Получил направление на «Бородин». Сейчас поеду принимать дела.

– Ну, ничего себе…, – только и смог сказать Стас, еле ворочая языком, – Эта же лушпайка! Самые настоящие дрова.

Малову даже обидно стало за своё приподнятое настроение.

– Неужели я так пролетел? Что же будет? – непроизвольно подумалось ему. Но Стас, немного подумав, и выдержав паузу, продолжал:

– Вообще-то не переживай. Оно сделает ещё пару рейсов и уйдёт на гвозди. Недавно я слышал об этом в ССХ. Так что, считай, что тебе повезло! В Японию пойдёте. Командировочные получите, – чувствовалось, что его силы на исходе, от произнесённой речи, – Не забудь и мне жвачки привезти, – это он уже добавил из последних сил и погрозил Малову пальцем, нагнув голову к столу.

Малов не знал, что ему делать. Радоваться, что он попадет в Японию или огорчаться, что попал на старую развалюху.

В пароходстве пойти на Японию считалось большой удачей. Закордонных судов было не так уж и много. А те, кто на них работал – багром с них не сковырнёшь. Там все сидели плотно, у всех была где-то своя «лапа». Куда Малову было до них?

– Значит, повезло, – вновь проскочила мысль, и он достал бутылку из портфеля.

Стас почти не отреагировал на его жест, только молча показал пальцем на свой стакан.

Малов набулькал туда половину и всучил его в протянутую ладонь Стаса, наблюдая, как светлое болгарское вино исчезает в его утробе.

У того хватило сил только допить стакан и поставить его на стол. Потом глубоко вздохнуть и сложить голову на руки, лежащие на краю стола. Пока Стас ещё совсем не размяк, Малов подхватил его и отвёл в соседнюю комнату и аккуратно уложил на диван.

Через пару минут, после того, как послышался равномерный храп Стаса, Малов пошёл складывать свои вещи. Что там было собирать? Полотенца, зубную щётку и пару рубашек с брюками.

Быстро собрав их, Малов запер дверь и вышел из дома. Ключ, как и всегда, он оставил в почтовом ящике. Выйдя во двор он, с грустью взглянул на запрошенный снегом балкон квартиры Стаса, как будто, прощаясь с ней на веки, и пошёл на остановку автобуса.

Хорошо, что это происходило днём. Рабочий день ещё не закончился, и поэтому в автобусах было мало народу. Это утром в автобус проходилось втискиваться с боем, а сейчас, даже с полной сумкой вещей, Малов спокойно доехал до Морвокзала, прошел к стоянке рейдовых катеров и принялся ждать очередной рейдовый катер.

Вскоре катер подошёл к причалу, и желающим было позволено пройти на борт. Он отвалил от причала по расписанию и направился на рейд.

Катер не спеша обходил суда, стоящие на рейде и наконец-то встал у плавбазы.

По сравнению с катером, база выглядела, как небоскреб. Катер казался, по сравнению с ней, щепкой.

Почему-то вновь подумалось:

– Ничего себе, сколько же на ней народу работает?

Потом прочитал название. Да, точно это был «Василий Богатырёв». Именно около него и должен был стоять его «Бородин»? Но где же он?

Немного заволновавшись, что не сможет попасть на своё судно, он поднялся в рубку и спросил у капитана рейдового катера:

– А где «Бородин»? К нему-то Вы подойдете?

– Сейчас подойдем, подожди, – насмешливо посмотрел на Малова капитан катера.

Народ с рейдового катера поднялся по крутому трапу на борт плавбазы, а потом катер развернулся и обогнул ее с кормы, направляясь к небольшому суденышку, стоявшему у нее уже с другого борта.

Вот именно там и находилась примерно такая же щепка, как рейдовый катер, только что чуть-чуть больше, которая и была конечной целью назначения Малова.

Две мачты – носовая и средняя, небольшая надстройка, весь ржавый до ужаса.

Сердце у Малова прямо рухнуло в отсек, который находился ниже ватерлинии:

– Вот это я попал! – непроизвольно проскочила мысль.

Но, делать ничего, бумага-то уже на руках и поздно было отрабатывать задний ход.

Катер уткнулся носом в борт «Бородина» и Малов, взяв свой небольшой чемоданчик, по сходне, которую скинул на катер вахтенный матрос, поднялся на борт.

Вахтенный матрос хитро посмотрел на Малова:

– Ты кто?

Озираясь по сторонам на ржавой и неприбранной палубе, Малов просто ответил:

– Четвертый механик я.

– А, четвертак?! Здорово! А то наш то, вон уже заждался тебя. Иди, сейчас дела будете пересдавать, – и махнул рукой в сторону надстройки.

Не поняв его жеста, Малов уточнил:

– А куда идти-то?

– Сейчас, – приветливо улыбался молодой матрос, – Пойдем, я покажу тебе, – сказал он также приветливо и пошёл к надстройке.

Малов последовал за ним, обходя какие-то концы и бочки, валяющиеся на палубе.

Сделав пару противолодочных зигзагов, они зашли в надстройку, благо до неё было от силы метров десять.

Матрос провел Малова по полутёмному коридорчику правого борта к одной из кают. Постучал в неё и, не дожидаясь ответа, он толкнулся в дверь. Засунув голову в щель полуоткрытой двери, он чуть ли не прокричал туда: – Четвертак! Тебе замена приехала! – и распахнул дверь полностью. Откуда-то из глубины каюты, а это была какая-то полутёмная щель, выглянула заспанная физиономия с взлохмаченными волосами. А потом раздался радостный вопль:

– Ура! Наконец-таки они разродились! А то я уж тут думал, что мне опять придётся в рейс идти, – это уже говорило тело, которое всовывало ноги в какие-то чёботы, стоявшие тут же на полу.

Мужику было уже лет за тридцать. Но почему-то он всё ещё был четвертым механиком, Малову то было всего лишь двадцать четыре. Вид четвертого механика как-то удивил Малова. Он считал, что встретит такого же возраста четвертого механика, как и он сам и им легче будет найти общий язык. Поэтому в первый момент Малову как-то стало не по себе, что встретил такого «старика».

– Ну, ладно, – непроизвольно подумалось, – Пусть будет и так. Всякое бывает в жизни.

Не обращая внимания на замешательство Малова, мужик сунул Малову заскорузлую широкую ладонь:

– Колян.

Ощутив мощь его ладони, Малов пожал её с достоинством. У Малова ручка тоже была не щепка. Не каждый мог её сломить:

– Егор, – как можно спокойнее Малов посмотрел в его открытое лицо.

– Некогда мне тут больше ждать с моря погоды, – начал Колян с пол оборота.

– Через два часа придет рейдовый катер, а потом следующий будет только поздно вечером. А я хочу домой хоть сегодня съездить, – потом, не переключая тона, он продолжал, – Пошли к деду, – он протиснулся в щель между Маловым и дверью и, приглашающе махнул рукой, показывая, чтобы тот следовал за ним.

По узкому трапу они поднялись палубой выше. Каюта деда находилась по левому борту в носу надстройки.

Дверь в неё была открыта, как всегда у всех нормальных моряков.

Колян пару раз стукнул костяшками пальцев по открытой двери и осторожно заглянул туда:

– Иваныч! Глянь – ко мне замена приехала, – радости Коляна не было предела. Он весь прямо таки светился от счастья, которое свалилось на его голову. За столом, который находился у лобового иллюминатора, сидел небольшой кругленький дедушка. На самом деле – это был «дед». По возрасту он был точно дедушкой.

Голова у него была абсолютно лысая, как биллиардный шар, только где-то у шеи просматривались остатки седых волос. Лицо круглое, носик вздернутый. На кончике носа напялены очки.

Дед сидел и что-то старательно выписывал на одном из бланков, который лежал перед ним.

Он оторвался от своих бумаг, медленно посмотрел на Малова и, похлопывая белесыми ресницами небольших глубоко посаженных глаз, спросил:

– А чё эт тя к нам направили?

Малов всё ожидал, но только не такого вопроса:

– Сам не знаю, – пожал он плечами, – Выписали направление, потому и направили.

– Ну, ладно, ладно, – миролюбиво продолжал дед.

Он приподнялся с кресла и протянул Малову розовую круглую ладошку:

– Иван Иваныч, – представился он.

Малов тоже непроизвольно пожал протянутую руку:

– Егор, – на предыдущем судне такой фамильярности дед бы себе никогда не позволил.

А Иван Иваныч, кашлянув, опять сел в кресло и, оглядев Малова с ног до головы, с интересом спросил:

– А чё эт ты такое сотворил, что заслужил такую честь, быть направленным к нам? – он сделал небольшую паузу и так же не спеша продолжал допрос, – Ну и сознавайся, где работал? Что делал? Уж что-то ты больно молод для четвёртого механика. Опыт-то работы хоть у тебя есть?

Пришлось Малову отвечать:

– На «Чите» отработал год после училища, а потом в отпуск пошёл. Вот после отпуска сюда меня и направили.

Дед спокойно слушал его, вновь с любопытством оглядывая с головы до ног:

– Так, так. Ясно. А чем же это ты не угодил начальству, что тебя с «японского» парохода к нам послали, а не вернули назад?

– Да не знаю я, просто инспектор так решил, потому и направил, – такая дотошность деда Малову уже стала надоедать.

– Ладно, ладно. Охолонись, – покряхтывая, приструнил дед эмоции Малова. Видно было, что он еще прикидывал, чтобы ещё такое спросить у своего нового механика. Видимо решив, что все вопросы исчерпаны, он почесал лысину и заёрзал, поудобнее устраиваясь в своём раздолбанном кресле. Потом, вдруг что-то вспомнив, с интересом спросил:

– Чё же ты закончил мой дорогой, такой молодой да ранний?

Не видя в его словах никакого подвоха, Малов честно признался:

– ДВВИМУ я закончил.

– Как? – глаза деда расширились, – Инженер, что ли? – по его широко раскрытым глазам было сразу видно, что удивлению его не было предела. Ничего не понимая, Малов непроизвольно подтвердил:

– Да, инженер-механик.

– А ну-ка покажи бумагу, – не унимался дед.

Малов порылся в портфеле, вынул оттуда рабочий диплом и показал его деду.

– Не, не, не. Ты мне покажи тот, который об образовании. Есть он у тебя? Этот диплом почему-то у Малова тоже был с собой. Обычно Малов оставлял его дома, а тут, уезжая, на всякий случай, положил в портфель.

Малов достал диплом и протянул его любопытному деду. Осторожно взяв диплом, дед бережно повертел его в руках, раскрыл и внимательно принялся изучать его содержимое. Прочитав обе страницы, он перевернул корочку и посмотрел на него с обратной стороны. Потом аккуратно положил диплом на стол, и, с неподдельным интересом уставился на Малова:

– Это же надо! Ин-же-нер! – раздельно, немного понизив голос и подняв над головой указательный палец правой руки, произнёс он по слогам.

– Да, инженер, – для Малова это не было чем то необычным. Отучился, получил диплом – вот поэтому и инженер.

– Ну, посмотрим, какой ты инженер, – покачал головой дед и переменил тему разговора, – А теперь, инженер, иди с Коляном в машину и принимай у него дела. Колян, смотри, – он усмехнулся в сторону Коляна, – Как торопиться домой.

И точно. Колян чуть ли не подпрыгивал от нетерпения, как ему надо было быстро сдать все дела и свалить с этого корыта.

– Понял Вас, Иван Иванович, – понимая настроение Коляна, подтвердил Малов приказ деда.

Дед замахал обеими руками, выпроваживая их из каюты:

– Идите, идите, да смотрите, чтобы все хорошенько проверили. Особое внимание обратите на котел. Ты там его, Колюня, обучи всему, что успеешь, – в напутствие посоветовал он.

Колян утвердительно кивал головой:

– Понял, понял. На всё обращу внимание, – Колян повернулся к Малову и подтолкнул его к выходу.

Колян был доволен и счастлив. Он только приговаривал:

– Давай, давай переодевайся. А роба-то у тебя есть? А то сейчас я сгоняю к подшкиперу. Получим новую, – суетился он.

– Да есть, есть. Всё есть. Сейчас переоденусь. Не переживай, – Малов пытался как-то сбить Коляновскую суету.

Придя в каюту, Малов раскрыл чемодан и, насколько позволяла теснота каюты, начал переодеваться.

Переоделся, надел рабочие ботинки и глянул на суетливого Коляна.

Тот, видя полную готовность сменщика, подскочил к двери:

– Всё! Пошли в машину, я сейчас тебе буду все показывать.

Вход в машину был почти напротив каюты. Подойдя к двери, Колян принялся показывать Малову, как она правильно открывается и закрывается. Дверь открывалась с каким-то отвратительным скрипом, она была вся перекошена, её надо было как-то особо поддержать, потом крутануть колесо кремальеры, и только после этого она начинала открываться.

Такой дверью Малов был просто поражён. На предыдущем судне дед всю машинную команду просто сожрал бы с потрохами за такую дверь:

– А что вы ее не сделаете? – удивления Малова только начинались.

– Да зачем её делать? Через пару месяцев на гвозди идём, – равнодушно ответил Колян, ныряя вглубь машинного отделения.

– А, ну понятно тогда, значит, надо только дожить до этих гвоздей, – подтвердил Малов главную мысль Коляна.

– Да, да, дожить, – отмахнулся Колян. И тут же напомнил, – Только смотри. Будь тут осторожен. Доживать-то надо бережно, как бы тебе еще самому что-нибудь по башке не прилетело.

Войдя в машинное отделение, Малов был поражён.

Машинное отделение было небольшим, но оно было таким закопчённым, что Малова это сразило наповал. Переборки и борта были тёмного серо-коричневого цвета, а подволок был чуть ли ни черный.

Вниз, к главным плитам вел всего лишь один небольшой трап, и из-под этих главных плит, возвышался, так называемый, «главный двигатель».

На последнем судне Малова дизель-генератор был чуть поменьше размером. Это был восьмицилиндровый «Ланг». Малов вспомнил, что механик-наставник говорил ему, что этот пароходик 1937 года постройки и по репарации отдан в Камчатское морское пароходство после Великой Отечественной войны, и уже достаточно тут отработал в его собственности. Теперь, даже с первого взгляда, можно было понять, сколько людей на нём отработало за это время, как они здесь трудились и как относились к тому, что им не принадлежит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.